

3.4. Тюркские каменные изваяния и поминальные сооружения Алтая и Тянь-Шаня (Г. В. Кубарев, В. Д. Кубарев, К. Ш. Табалдиев)

В горных долинах Алтая до наших дней сохранились памятники монументального искусства, установленные в древности. Они представлены энеолитическими стелами с чашечными углублениями и редкими изображениями животных, изваяниями эпохи бронзы, оленными камнями и раннесредневековой скульптурой, а также необработанными стелами и менгирами. К особой группе монументальных памятников Алтая следует отнести раннесредневековые каменные изваяния. Сотни подобных изваяний (по-древнетюркски *bediz*⁶⁵⁴) высются в степях и межгорных котловинах Южной Сибири, Центральной и Средней Азии (рис. 37). Их точное число не поддается подсчету. Только на территории Российского Алтая найдено и обработано более 300, в Туве — по меньшей мере 100, а в Монголии — свыше 600 скульптур. Если учесть, что многие из них более чем за тысячелетний период истории были вывезены с места первоначальной установки, разбиты и уничтожены врагами тюрков и других тюркоязычных кочевников, не сохранились, будучи изготовленными из дерева, или просто представляли собой слегка подтесанные камни с антропоморфными очертаниями, то их число должно было составлять десятки тысяч.

⁶⁵⁴ Значение слова *bediz*, как убедительно доказал С. Г. Кляшторный, обозначает скульптурные (статуарные или барельефные) изображения людей, которым посвящен погребальный обряд. См.: Кляшторный С. Г. Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. М.: Наука, 1964. С. 244–250.

Рис. 37. Раннесредневековые изваяния и поминальные оградки в урочище Кеме-Кечу. Фото В.Д. Кубарева

История изучения раннесредневековых каменных изваяний Алтая насчитывает, по меньшей мере, 200 лет с момента сообщений первых русских рудознатцев конца XVIII в. и естественнонаучных экспедиций начала XIX в. Заметки и записи о каменных изваяниях можно встретить в трудах П. С. Палласа, К. Ф. Ледебура, П. А. Чихачева, А. И. Шренка, С. И. и Н. С. Гуляевых, Г. Н. Потанина, Н. М. Ядринцева, А. В. Адрианова и многих других. Это и неудивительно, так как одиноко стоящие каменные фигуры, резко выделяющиеся на фоне азиатских гор и степей, одними из первых привлекали внимание путешественников и ученых.

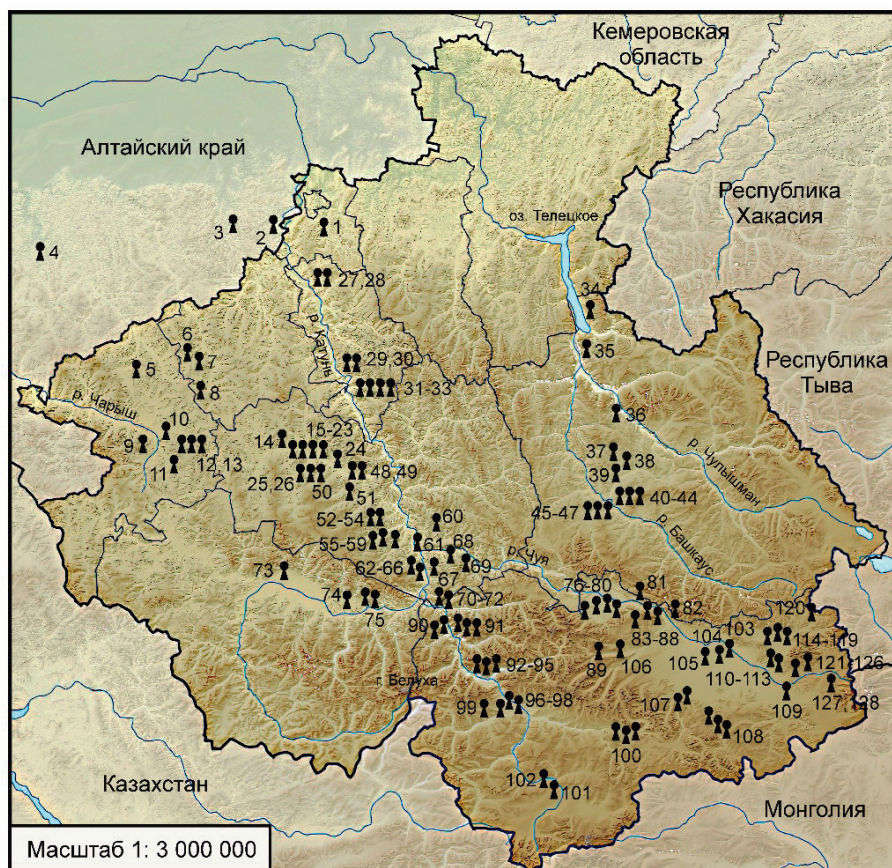
В XX веке исследования раннесредневековых каменных изваяний Алтая, их фиксация, прорисовка и публикация были продолжены такими советскими археологами как С. И. Руденко, А. Н. Глухов, С. В. Киселёв, Л. А. Евтюхова, П. П. Хороших, С. С. Сорокин и др. Первой обобщающей монографией по раннесредневековым каменным изваяниям Алтая стала книга од-

ного из авторов данного раздела — В.Д. Кубарева⁶⁵⁵. Она явилась результатом более чем десятилетних целенаправленных работ с конца 1960-х по начало 1980-х гг., в результате которых ему удалось обнаружить более половины из известных на тот момент 256 изваяний. С тех пор почти каждый полевой сезон ведет к открытию новых монументальных памятников древнетюркской эпохи, и на сегодняшний день насчитывается, по меньшей мере, 319 скульптур⁶⁵⁶. Большая их часть к настоящему времени перемещена в му-

⁶⁵⁵ Кубарев В. Д. Древнетюркские изваяния Алтая. Новосибирск: Наука, 1984. 232 с.

⁶⁵⁶ Могильников В. А., Елин В. Н. Курганы Талдура // Археологические исследования в Горном Алтае в 1980–1982 годах. Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1983. С. 127–153, рис. 11, 15; Кубарев В. Д., Кочеев В. А. Новая серия каменных изваяний Алтая // Археология Горного Алтая. Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1988. С. 206–222; Худяков Ю. С., Бородовский А. П. Раскопки на средней Катуні // Altaica. 1993. № 3. С. 17–20, рис. 1, 2; Bourgeois I., Bourgeois J., Ghent, Cammaert L., Declair H., Langohr R., Mikkelsen J. H., Huele W. V., et al Multidisciplinary archaeological research in the Sebýstei valley 1996–1997 (Kosh-Agash region, Altai Republic) // Eurasia Antiqua: Zeitschrift für Archäologie Eurasiens. Berlin. 1999. № 5. P. 295–389; Бородовский А. П. Позднетюркский поминальник на нижней Катуні // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул: Азбука, 2001. Вып. XII. С. 176–179, рис. 1, 2; Кубарев Г. В., Оцука К., Масумото Т., Маточкин Е. П., Кубарев В. Д. Исследования Чуйского отряда на Алтае // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2002. Т. VIII. С. 357–360, рис. 1; Кубарев В. Д. О работах на Российском Алтае // АО 2003 года. М.: Наука, 2004. С. 425–427, рис. 45; Кубарев В. Д., Со Гилсу, Со Джинсу. Обследование петроглифов Алтая в 2004 г. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2004. Т. X. Ч. I. С. 306–308, рис. 2; Кубарев Г. В. Исследование древнетюркских оградок в местностях Кыйу и Кызыл-Шин // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005. Т. XI, ч. I. С. 368–374; Кубарев Г. В., Розвадовски А., Кубарев В. Д. О новых древнетюркских изваяниях Алтая // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2003. Т. IX, ч. I. С. 373–376; Горбунов В. В., Тишкин А. А. Каменные изваяния тюркского времени на Яломанском археологическом комплексе // Каменная скульптура и мелкая пластика древних и средневековых народов Евразии: сб. науч. тр. Барнаул: Азбука, 2007. С. 119–124. (Труды САИПИ: Вып. 3); Маточкин Е. П. Каменная скульптура могильника Бортулдага (Горный Алтай) // Каменная скульптура и мелкая пластика древних и средневековых народов Евразии: сб. науч. тр. Барнаул: Изд-во Азбука, 2007. С. 132–134. (Труды САИПИ: Вып. 3); Маточкин Е. П. Изваяние в устье Аргута // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. Горно-Алтайск: АКИН, 2007. Вып. 6. С. 99–101; Кубарев В. Д., Кубарев Г. В. Новые древнетюркские изваяния Алтая // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009. Т. XV. С. 307–311; Ленская С. Г. Тюркские изваяния Средней Катуні // Древности Сибири и Центральной Азии. Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 2009. С. 189–192; Полосьмак Н. В., Богданов Е. С., Кубарев Г. В. Древнетюркские изваяния Чаганбургазы (Юго-Восточный Алтай) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2010. Т. XVI. С. 289–293; Кубарев Г. В. Древнетюркские изваяния из Апшиякты в Центральном Алтае (к проблеме выделения женских статуарных памятников у древних тюрков) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2017. № 1 (45). С. 93–103 и др.

зеи Горно-Алтайска, Бийска, Барнаула, Новосибирска и др., и лишь незначительное их количество находится в местах первоначальной установки, в глухих и труднодоступных районах Алтая.

1 - раннесредневековые каменные изваяния

Рис. 38. Карта распространения раннесредневековых каменных изваяний на территории Республики Алтай. 1 — Горно-Алтайск; 2 — Бирюзовая Катунь; 3 — Большая Поперечка; 4 — Ануй; 5 — Белый Ануй; 6 — Барагаш; 7 — Айлян; 8 — Беш-Озек; 9 — Сары-Кобы; 10 — Канская степь; 11 — Карасу; 12 — Ябоган; 13 — Шиверта; 14 — Озёрное; 15 — Талдушка; 16 — Талда; 17 — Теньга; 18 — Кара-Коба; 19 — Урсул; 20 — Каерлык; 21 — Шибе; 22 — Длинный Бомчик; 23 — Ело; 24 — Курота; 25 — Согодэк; 26 — Соору; 27 — Чепош; 28 — Верх-Чепош; 29 — Бике; 30 — Чобурак; 31 — Куюс; 32 — Айрыдаш; 33 — Карасуг; 34 — Беле; 35 — Кудыргэ; 36 — Тиланду; 37 — Кожо-Таш; 38 — Малая Балыкса; 39 — Балыктыюль; 40 — Ян-Улаган; 41 — Кызыл-Мааны; 42 — Турала; 43 — Башкау; 44 — Улаган; 45 — Узун-Язы; 46 — Сап-Сары; 47 — Чибиль; 48 — Нижняя Талда; 49 — Каракол; 50 — Кулада; 51 — Балык-Соок; 52 — Онгудай; 53 — Улита; 54 — Купчегень;

55 — Айтэны; 56 — Кор-Кечу; 57 — Большой Яломан; 58 — Бель; 59 — Казна;
60 — Айлагуш; 61 — Иня; 62 — Инегень; 63 — Сок-Ярык; 64 — Юхтинер; 65 — Теребеты;
66 — Кыйу; 67 — Кара-Корум; 68 — Апшиякта; 69 — Ачик; 70 — Сатакулар;
71 — Бортулдаг; 72 — Аргут; 73 — Уймонский край; 74 — Катанда; 75 — Тургунда;
76 — Тадила; 77 — Актру; 78 — Тётё; 79 — Курайская степь; 80 — Джанысколь;
81 — Тыдтугем; 82 — Туярык; 83 — Кызыл-Шин; 84 — Юлячи; 85 — Сагалак;
86 — Чаганузун; 87 — Тая; 88 — Кожон-Чол; 89 — Соокту-Кообы; 90 — Кырландын-Кини;
91 — Кеме-Кечу; 92 — Тюргун; 93 — Карагем; 94 — Сал-Кечу; 95 — Теке-Туру;
96 — Самаха; 97 — Макажан; 98 — Джазатер; 99 — Боголок; 100 — Кыпчыл;
101 — Кальджин; 102 — Бертек; 103 — Торгон; 104 — Мухор-Тархата; 105 — Елангаш;
106 — Талтура; 107 — Себистей; 108 — Чаганбургазы; 109 — Терс-Акан; 110 — Кокоря;
111 — Ак-Товурак; 112 — Каман-Тон; 113 — Кара-Дюргун; 114 — Ардун-Тебе;
115 — Дьер-Тебе; 116 — Ян-Гобо; 117 — Узунтал; 118 — Согонолу; 119 — Малталу;
120 — Текелю; 121 — Туру-Алты; 122 — Ак-Кобы; 123 — Кызыл-Кабак; 124 — Барбургазы;
125 — Чибит; 126 — Чадыр; 127 — Юстыд; 128 — Кош-Агачский район

Картографирование раннесредневековых изваяний Алтая показывает, что наибольшее их скопление приходится на его центральную и южную часть (рис. 38). Это, конечно же, обусловлено тем, что оба эти района — исконные места обитания степняков-скотоводов, материальными памятниками истории которых и являются рассматриваемые нами изваяния. Места сооружения этих памятников выбирались в основном в межгорных котловинах («степях») и по долинам рек. Как правило, это небольшие по площади степные долины, часто на возвышенностях с панорамой на величественные, священные в древности горы. Лишь незначительное их количество зафиксировано в горно-лесных районах Северного Алтая и в высокогорных зонах региона, таких как, например, обширное по площади плоскогорье Укок, отличающееся суровым климатом и труднодоступностью.

Племенная принадлежность каменных изваяний и поминальных сооружений. Поминальные оградки с изваяниями, погребения в сопровождении коня, руноподобная письменность огромного Центрально-Азиатского и Средне-Азиатского регионов связывается большинством исследователей исключительно с культурой древних тюрков, или тюркок-тугю. Но так ли это на самом деле и что представляют собой древности других многочисленных тюркоязычных племен Центральной Азии, известных по раннесредневековым письменным источникам? Тезис, который подчеркнула еще А. А. Гаврилова, справедлив и актуален до сих пор: «А. Н. Бернштам, а затем Л. П. Потапов все алтайские памятники тюркского времени приписали тюркам, применяя это название не в этническом, а в политическом значении, но такое толкование далеко стоит от конкретной истории племен... разноплеменность

населения Алтая, отраженная для древнего населения в письменных источниках, осталась не выявленной»⁶⁵⁷.

Предки современных тюркоязычных народностей Южной Сибири — алтайцев, тувинцев, хакасов, шорцев и др., судя по археологическим и письменным данным, обитали на территории Центральной Азии. Их кочевья распространялись также на территорию современного Российского Алтая. Это были два крупных объединения кочевых племен, под названием *теле* и *тугю*. Именно они сыграли главную роль в истории Южной Сибири в эпоху раннего Средневековья (VI–X вв. н. э.).

Согласно китайским династийным хроникам, 15 телеских племен проживали в Монголии, а также к северу от нее — в Саяно-Алтайском нагорье. Их точная локализация относительно друг друга затруднена. Сам же факт их расположения севернее тюрков-тугю подтверждают и тюркские рунические надписи в каганских поминальных памятниках Монголии: слева от тюрков (т. е. на севере) народ токуз-огузов⁶⁵⁸. Таким образом, телеские древности (изваяния и поминальные сооружения, курганы, наскальные рисунки и др.) должны быть представлены на территории Алтая. Однако в том же тексте в честь тюркского полководца Кюль-Тегина сообщается, что народ токуз-огузов был «мой собственный народ», а сам автор обращается к тюркским и огузским бегам и народу⁶⁵⁹. Именно поэтому можно утверждать, что Первый (551–630 гг.) и Второй (687–742 гг.) Восточно-Тюркские каганаты представляли собой племенной союз или конфедерацию родственных тюркоязычных племен с близкой материальной и духовной культурой, погребальными и поминальными обычаями.

По археологическим данным хорошо известно, что традиция изготовления каменных изваяний существовала не только у тюрков-тугю, но и, например, у уйгур и кимако-кыпчаков. При всех отличиях в иконографии изваяний этих тюркоязычных племен, различной традиции их установки (близ поминальной оградки, одиночная установка изваяния, установка нескольких изваяний на кургане-святилище), вероятно, все они восходят к одному «корню», к идее сохранения облика умершего родственника-предка. Поэтому вполне логично предположить, что не только у уйгур, но и у других телеских (огузских) племен, у западных тюрков существовала традиция изготовления

⁶⁵⁷ Гаврилова А. А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.; Л.: Наука, 1965. С. 7.

⁶⁵⁸ Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности. Л.: Изд-во АН СССР, 1950. С. 38, 40.

⁶⁵⁹ Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности... С. 39, 42.

и установки изваяний, вероятно, близ поминальной оградки. Во всяком случае, значительная часть поминальных комплексов в виде оградок с изваяниями может быть приписана карлукским племенам, которые, по сведениям китайских письменных источников, длительное время обитали на территории географического Алтая⁶⁶⁰.

Археологические данные о традиции изготовления каменных изваяний у различных тюркоязычных племен подтверждаются сведениями письменных источников и этнографическими свидетельствами. Так, например, Гильом Рубрук сообщал о тюркоязычных половцах середины XIII в.: «Команы насыпают большой холм над усопшим и воздвигают ему статую, обращенную лицом к востоку и держащую у себя в руке пред пупком чашу»⁶⁶¹. Для тюрок-гузов (огузов) начала X в., обитавших на территории современного Западного Казахстана, арабский путешественник-миссионер Ибн-Фадлан хотя и не констатирует установку изваяний, но описывает устройство и назначение другого очень важного элемента погребально-поминального обряда тюркоязычных народов — балбалов: «Если же он (умерший — Г. К.) убил человека и был храбр, то *вырезают изображения из дерева по числу тех, кого он убил, и помещают их на его могиле* (курсив мой — Г. К.) и говорят: „Вот его отроки, которые будут служить ему в раю“»⁶⁶². И это описание удивительным образом очень точно повторяет характеристику и назначение балбалов у тюрок-тугю Центральной Азии в китайских письменных источниках. Достаточно сравнить эту цитату с фрагментом китайского текста в переводе Н. Я. Бичурина об изготовлении погребально-поминального комплекса у тюрок-тугю: «В здании, построенном при могиле, ставят *нарисованный облик покойника* (изваяние — Г. К.) и описание сражений, в которых он находился в продолжение жизни. *Обыкновенно если он убил одного человека, то ставят один камень. У иных число таких камней простирается до ста и даже до тысячи* (курсив мой — Г. К.)»⁶⁶³. Эти цитаты самым ярким образом подтверждают общность как представлений, касающихся погребаль-

⁶⁶⁰ Кубарев Г. В. Карлуки Алтая по письменным и археологическим данным // Творец культуры. Материальная культура и духовное пространство человека в свете археологии, истории и этнографии: сб. науч. ст., посв. 80-летию профессора Д. Г. Савинова. СПб.: ИИМК РАН, 2021. С. 305–323. (Труды ИИМК РАН. Т. LVII).

⁶⁶¹ Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. М.: Изд-во географ. лит., 1957. С. 102.

⁶⁶² Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу / ред. И. Ю. Крачковский. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1939. С. 63.

⁶⁶³ Бичурин Н. Я. (Иакинф) Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Алматы: Жалын баспасы, 1998. Ч. 1. С. 234.

но-поминальной обрядности, так и собственно структуры и элементов погребально-поминальных сооружений (изваяние, балбалы, оградка, головы или шкуры жертвенных животных на шестах и пр.) у разных, но родственных тюркоязычных племен и народностей. Из сообщения арабского автора можно сделать вывод, что телеские (огузские) племена имели очень близкую тюркам-тугу погребально-поминальную обрядность. Более того, свидетельство арабского источника значительно лучше объясняет назначение балбалов у тюркских поминальных оградок Центральной Азии как символического, поминального «подарка» умершему от соплеменников, нежели данные, приведенные китайским летописцем. Балбалы символизировали убитых врагов, которые должны были прислуживать умершему в потустороннем мире. Часто они дополнительно обрабатывались и им придавались антропоморфные очертания, на некоторых экземплярах выбивались схематичные изображения черт лица человека. Именно к такому выводу о балбалах как поминальных дарах со стороны родственников и соплеменников на основании переводов рунических надписей на балбалах в Онгинском комплексе и поминальном мемориале Бильге-кагана («каменный балбал шада телисов», «балбал Ишбара-таркана») пришел С. Г. Кляшторный⁶⁶⁴.

Такая интерпретация балбалов объясняет их наличие и у некоторых женских изваяний. Так, от поминального комплекса тюркского аристократа с валом и рвом в долине р. Хар-Ямаатын-гол (Монгольский Алтай) с мужским изваянием и, вероятно, обломанным женским изваянием, отходили два ряда балбалов⁶⁶⁵. «Мужской» ряд балбалов протянулся на 184 м и мог насчитывать до 77 вертикально установленных камней, «женский» ряд — соответственно на 59 м и включал до 25 камней. Конечно, супруга тюркского аристократа вряд ли в течение своей жизни убила 25 врагов, а вот ее родственники и соплеменники вполне могли «подарить» балбалы, символизирующие убитых врагов, в качестве слуг в потустороннем мире для уважаемой и знатной женщины. Также сомнительно, чтобы кто-нибудь из тюркских каганов мог убить при жизни от 250 до 500 врагов по числу балбалов у некоторых каганских мемориалов на территории Монголии. Однако знать и приближенные воины, а также представители племен, входящих в тюркскую конфедерацию, также могли «подарить» и установить свои балбалы для кагана.

⁶⁶⁴ Кляшторный С. Г. Храм, изваяние и стела в древнетюркских текстах (К интерпретации Ихе-Ханын-норской надписи) // ТС, 1974. М., 1978. С. 254.

⁶⁶⁵ Кубарев Г. В. Мемориальный комплекс древнетюркского аристократа из Хар-Ямаатын-гола (Монгольский Алтай) // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология. 2015. Т. 14. Вып. 7: Археология и этнография. С. 138, 139.

Именно поэтому на каганских мемориалах в Монголии часто обнаруживаются тамги и даже рунические надписи «дарителя».

Наконец, если предположение о том, что смежные оградки кудыргинского типа, отличающиеся небольшими размерами, а также каменные ящики действительно могли сооружаться для детей, то и у таких «детских» оградок с восточной стороны также фиксируются балбалы. Ряд, который они образовывали, был очень короткий по сравнению с большими оградками, а сами балбалы очень грацильными⁶⁶⁶. Эти факты могут быть легко объяснены выводом о балбалах как поминальных дарах со стороны родственников.

В свое время один из авторов этого раздела на основе анализа характерных деталей одежды на раннесредневековых изваяниях Центральной и Средней Азии пришел к заключению о существовании двух вариантов верхней распашной одежды — кафтана — у древних тюрков⁶⁶⁷. Один из них: распашной, двубортный, слегка приталенный кафтан с длинными узкими рукавами (иногда с манжетами) и довольно большими треугольными (в том числе, фигурными) отворотами-лацканами (рис. 39, 40). В верхней части он имел от одной до трех застежек. Вторым вариантом того же кафтана являлось изделие с вырезом на груди, но без отворотов и воротника (рис. 41).

Все остальные характеристики совпадали с первым вариантом. Обе разновидности кафтанов запахивались на кочевнический манер — на левую сторону (т. е. правая пола сверху) в отличие от китайской традиции — запаха на правую сторону. Однако уже тогда было подмечено, что на изваяниях с «лацканами», как правило, отсутствуют головные уборы и показаны косы. Изваяния же в кафтане с простым вырезом на груди чаще изображены в головных уборах (в том числе в небольшой шапочке типа тюбетейки) и без кос. На этом основании было высказано предположение о возможной этнической дифференциации внутри полиэтнического государственного объединения древних тюрков⁶⁶⁸. Сейчас этот тезис получает новое развитие в свете интерпретации большинства раннесредневековых памятников Алтая как принадлежащих карлукам, или по-тюркски — уч-огузам, т. е. телеским племенам⁶⁶⁹.

⁶⁶⁶ Кубарев Г. В. Оградки кудыргинского типа в урочище Ак-Кообы (Юго-Восточный Алтай) // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология. 2011. Т. 10. Вып. 7: Археология и этнография. С. 233, 234.

⁶⁶⁷ Кубарев Г. В. Культура древних тюрков Алтая (по материалам погребальных памятников). Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005. С. 33.

⁶⁶⁸ Кубарев Г. В. Культура древних тюрков Алтая... С. 47.

⁶⁶⁹ Кубарев Г. В. Карлуки Алтая по письменным и археологическим данным... С. 305–323

Рис. 39. Каменные изваяния (1–7) и сцены граффити (8,9) с персонажами в кафтанах с треугольными отворотами-лацканами и косами на Алтае, оставленные тюрками племени чеби (?). 1 — Кыпчыл; 2 — Торгон; 3,6 — Кара-Коба; 4 — Кара-Дюргун; 5 — Алтай (точное местонахождение не известно); 7 — Узунтал; 8,9 — Чаган. Масштаб разный. 1–7 — фото и рисунки Г. В. Кубарева, 8,9 — по: Черемисин Д. В. Результаты новейших исследований петроглифов древнетюркской эпохи на юго-востоке Российского Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. 2004. № 1 (17). С. 39–50, рис. 7, 19

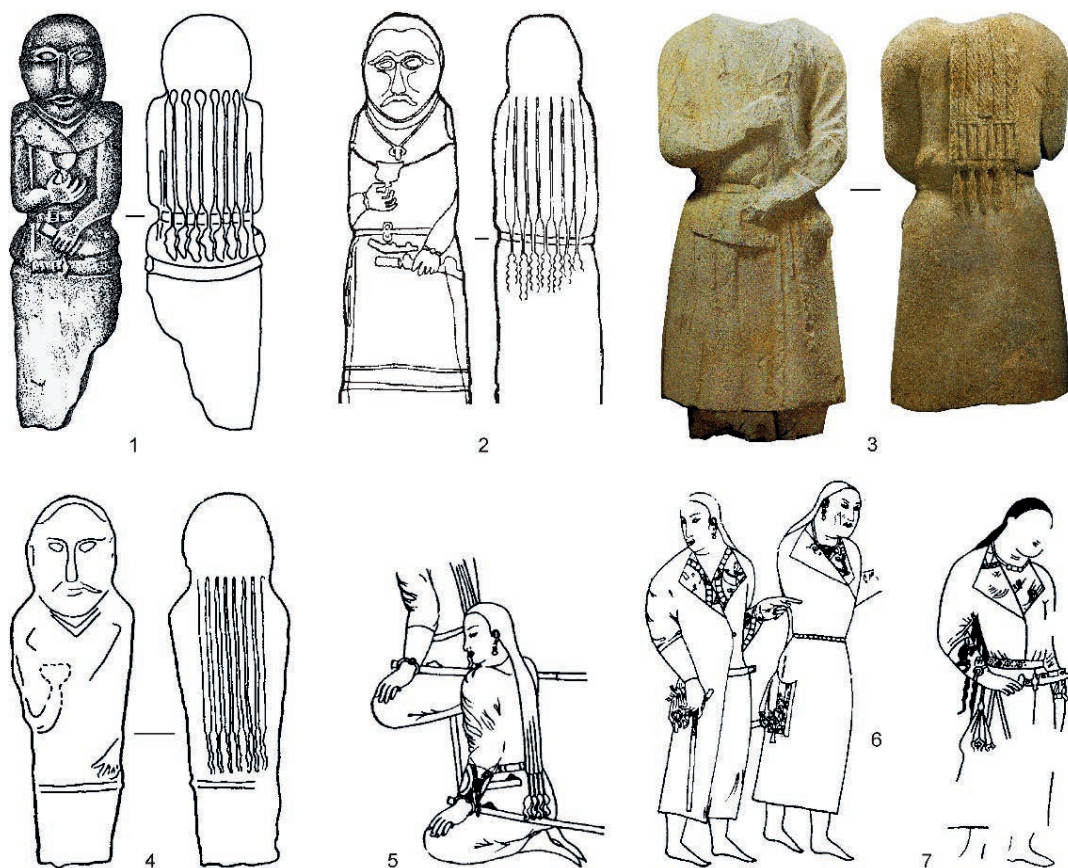

Рис. 40. Каменные скульптуры и изображения тюрок-туго в кафтанах с треугольными отворотами-лацканами из Семиречья (1,2,4), Китая (3), Согда (5–7).

1 — Тенгеньбулак, Каратау (по: Шеру, 1966, с. 80,82, табл. III, 16); 2 — Корумды, Иссык-Куль (по: Шеру, 1966, с. 90, табл. VIII); 3 — скульптура посла в погребальном комплексе императора Тай-цзуна, Сиань, пров. Шэньси, Китай (after: Xi'an, 2006, Abb. 187, 188); 4 — Киргизия (точное местонахождение неизвестно) (по: Шеру, 1966, с. 86, табл. VI, 26); 5–7 — настенные росписи Афрасиба (по: Альбаум, 1975, рис. 5,7).

Масштаб разный

Рис. 41. Каменные изваяния Алтая, воспроизводящие карлуков (?) в кафтане с простым вырезом (либо без него), часто в головном уборе. 1 — Кезер, Тётё; 2 — Малталу; 3 — Кыпчыл; 4 — Белый Ануй; 5 — Большой Яломан; 6 — Туру-Алты; 7 — Актру; 8 — Самаха. Масштаб разный. Фото Г. В. Кубарева

Действительно, нам хорошо известно, как выглядели тюрки-тутю по настенным росписям Афрасиаба, гравировкам и статуарным изображениям на территории Китая, Монголии и Семиречья. Наиболее характерными чертами их облика был длиннополый кафтан с орнаментированными треугольными отворотами-лацканами и длинными, заплетенными в несколько кос

волосами (рис. 40). Однако на территории как Российского, так и Монгольского Алтая в отличие от Синьцзяна, Южного Казахстана и Центральной Монголии таких изваяний очень немного. Косы воспроизведены всего у двух изваяний (рис. 39, 6, 7), а треугольные отвороты-лацканы — у еще пяти изваяний (рис. 39, 1–5)⁶⁷⁰. Таким образом, они составляют чуть больше 2% от общего числа изваяний Алтая. Большая часть подобных скульптур приходится на юг Российского Алтая. Здесь же представлены и наскальные гравировки с такими персонажами (рис. 39, 8, 9). С наибольшей долей вероятности эти изваяния и гравировки можно приписать не тюркам рода Ашина, а представителям тюркского племени тули (чеби) кагана Чеби и связать с событиями на Алтае 630–650 гг.

Каган Чеби в течение длительного времени был «малым каганом». После поражения последнего кагана Сели (Хйели) Первого Восточно-Тюркского каганата в 630 г. вожди хотели поставить Чеби кагана «большим каганом». Однако в это время каганом стал вождь племени сеяньто, которому Чеби подчинился. Из-за растущей популярности сеяньто решили убить Чеби, который был вынужден бежать в места своих кочевий (Монгольский и, вероятно, южная часть Российского Алтая), где ему подчинились карлуки. Собрав под свои знамена тридцать тысяч воинов, он объявил себя каганом Ичжу Чеби. В 650 г. китайский полководец Гао Кань во главе конницы двух токуз-огузских племен — уйгуров и буку (пугу) пленил кагана Чеби и препроводил его в Чанъань. Остатки народа кагана Чеби (племени чеби), а также часть карлуков (одно из карлукских племен?) в 650 г. частично были переселены в восточную часть нагорья Хангай (Отюкен).

Основную же массу изваяний Алтая из числа реалистичных фигур (по меньшей мере, 85 экз.), т. е. 27% от общего количества составляют скульптуры без треугольных отворотов-лацканов, с простым разрезом (либо без него) и без кос (рис. 41). В то же время у них часто воспроизведены головные уборы, в остальном — наборные пояса, сосуды, кинжалы, мечи имеют общетюркский облик и ничем не отличаются от первой группы изваяний, так же как собственно и каноническая поза — в правой руке сосуд, левая — на рукояти оружия или на поясе (рис. 41).

⁶⁷⁰ По понятным причинам из анализа исключены лицевые изваяния, на которых отсутствуют какие-либо элементы костюма.

Рис. 42. Каменные изваяния, воспроизводящие согдийцев, из урочища Кеме-Кечу (1,3) и аналогии к ним (2,4). 1,3 — Кеме-Кечу (фото и рисунки Г. В. Кубарева); 2 — Сиань (по: Сиань, 2003); 4 — Пенджикент (по: Маршак, 2009). Масштаб разный

Отсутствуют отвороты-лацканы, в том числе, и у тщательно и мастерски выполненных изваяний знати на Алтае (рис. 42, 1–4), и предположить, что они были опущены из-за трудности их воспроизведения в камне, невозможно. Так, например, у знаменитого изваяния Кезер из Курайской степи

и реалистично выполненного изваяния из Белого Ануя не показана эта характерная деталь костюма (рис. 41, 1, 4). Именно поэтому наличие или отсутствие такого важного элемента верхней одежды как треугольные отвороты-лацканы и длинные волосы, заплетенные в косы, следует рассматривать как определяющий критерий для этнической или племенной дифференциации изваяний тюрков-тугю в среде других родственных тюркоязычных племен Центральной и Средней Азии и, прежде всего, телеских племен. Опираясь на данные письменных источников, с большой долей уверенности следует приписать основную массу, в первую очередь, реалистичных изваяний без отворотов-лацканов и кос карлукам. Каноническая поза, воспроизведенный на изваяниях общетюркский предметный комплекс, наличие сходных элементов поминального сооружения (изваяния, оградки, балбалы) позволяют утверждать близкое родство и общее происхождение, единые мировоззренческие представления у тюрков-тугю и телеских племен и, в частности, у уч-карлуков — трех карлукских племен.

Поминальные комплексы так называемого юстыдского типа (четыре-плитовый ящик, изваяние, балбалы) на Алтае являются крайне немногочисленными и локализуются исключительно в южной его части. Они имеют аналогии с большим количеством близких поминальных памятников тюрков-тугю с территории Центральной Монголии. На плиты части из них нанесены тамги рода Ашина, что позволяет их датировать временем Второго Тюркского каганата (682–744 гг.). Некоторое распространение подобных памятников на территории Российского Алтая наталкивает на мысль, что они оставлены здесь выходцами из Монголии — тюрками-тугю — преимущественно в период союзнических отношений и сюзеренитета тюрков над карлуками — 682–710 гг.

В лицах подавляющего большинства алтайских раннесредневековых изваяний угадываются монголоидные и, возможно, смешанные монголоидно-европеоидные черты: широкие лица с выступающими скулами, узкий, незначительно выступающий нос. Однако лица двух изваяний производят полное впечатление того, что перед нами европеоиды. Обе скульптуры обнаружены в одном и том же поминальном комплексе в местности Кеме-Кечу, в долине р. Аргут (рис. 42, 1, 3). Кроме собственно европеоидных черт лица их объединяют между собой очень необычные для алтайских изваяний элементы костюма — глухая, без воротника, но с окантовкой верхняя одежда и головной убор, отдаленно напоминающий чалму (?) с рельефными валиками (рис. 42, 1, 3). Скорей всего, эти два изваяния выполнены одним и тем же мастером с небольшим временным интервалом. Больше все-

го по элементам костюма и европеоидным чертам лиц эти два изваяния соответствуют согдийцам (рис. 42, 2, 4). Абсолютно идентичная верхняя одежда воспроизведена на согдийце (рис. 42, 2) с барельефа саркофага из могилы согдийского *сабао* (торгового представителя, отвечающего, в том числе, за организацию и прием согдийских и тюркских посольств в Китае) по имени Аньцзя, исследованной в городе Чаньань (совр. Сиань)⁶⁷¹. Согласно эпиграфии, *сабао* Аньцзя умер в мае 571 г. Такой же кафтан, а также наборный пояс с кинжалом и сумочкой изображены и на согдийцах в настенных росписях Пенджикента конца VII — начала VIII в. (рис. 42, 4)⁶⁷².

Рис. 43. Женское изваяние кимако-кыпчакского облика из местности Айлян.

Фото Г. В. Кубарева

Хорошо известно, что согдийцы в качестве торговцев и советников тюрков поселялись на исконно кочевых территориях, основывали свои колонии-

⁶⁷¹ Сиань Бэйчжоу Аньцзя му (Anjia Tomb of Northern Zhou at Xi'an»). Пекин: Вэньу чубаньшэ, 2003. 113 с. (на кит. яз.). Рис. 56.

⁶⁷² Живопись древнего Пенджикента. М.: Изд-во АН СССР, 1954. 204 с. Табл. VII, VIII, XII, XXXIII; Маршак Б. И. Искусство Согда / Государственный Эрмитаж. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2009. С. 38.

поселения и, в том числе, на территории Западной, Центральной и Внутренней Монголии. Из китайских источников известно, что среди простодушных и недалёковидных тюрков проживало много коварных и хитрых ху (согдийцев), которые научают и направляют тюрков⁶⁷³. Если наше предположение о том, что эти два изваяния воспроизводят согдийцев верно, то необходимо признать, что они были полностью инкорпорированы в среду кочевников, и по тюркскому обычаю им была возведена поминальная ограда и изготовлены реалистичные изваяния. Вместе с тем поражает факт того, что эти два памятника расположены в очень труднодоступном урочище Алтая.

Другим редким примером воспроизведения согдийца на раннесредневековом изваянии, по-видимому, является каменная скульптура из аймака Завхан в сопредельной с Алтаем Северо-Западной Монголии⁶⁷⁴. По справедливому мнению С. А. Яценко, черты лица, причёска в виде завитых спереди волос и ожерелье с семью бусинами на груди выдаёт в этом персонаже мужчину-согдийца⁶⁷⁵.

Женское изваяние из урочища Айлян является едва ли не единственным изображением кимако-кыпчакского облика из числа найденных на территории Алтая (рис. 43). В пользу этого свидетельствуют его иконографические особенности: черты лица (маленькие глаза и рот), низкий рельеф как лица, так и всей скульптуры — объём максимально приближен к исходной форме монолита. Наконец, воспроизведение женской груди и островерхого головного убора, возможно, первоначально — сосуда в обеих руках. Эти иконографические и стилистические особенности айлянского изваяния, прежде всего, соотносятся именно с кимако-кыпчакскими памятниками Восточного и Центрального Казахстана, а не с тюркскими изваяниями Алтая.

Крайне важно то, что айлянское изваяние обнаружено на территории Северного Алтая, который представляет собой предгорную или горно-степную его часть, граничащую как со степным Алтаем, так и с Восточным Казахстаном. Именно предгорья Алтая в значительно большей степени, чем Горный Алтай, во все исторические эпохи являлись контактной зоной. В то же время в Северном Алтае тюркских изваяний, как и других тюркских памятников, значительно меньше, чем в Центральном и Южном Алтае.

⁶⁷³ Кляшторный С. Г. Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. М.: Наука, 1964. С. 115.

⁶⁷⁴ Яценко С. А. Несколько наблюдений о костюме ранних тюрков на изображениях // ТС 2011–2012: Политическая и этнокультурная история тюркских народов и государств. М.: Наука — Вост. лит.-ра, 2013. С. 425, рис. 10.

⁶⁷⁵ Там же. С. 425, рис. 10.

Датировка изваяний и поминальных сооружений. Первые образцы монументальной каменной скульптуры известны уже в начальный период появления на горных и степных пространствах Центральной Азии тюрок-тугю, создавших свою государственность в VI в. н. э. Политической основой, а также важным условием консолидации и культурного расцвета алтайских народностей в средневековую эпоху послужил могущественный Первый Тюркский каганат. Это крупное объединение племен, по существу, было первой евразийской империей, границы которой простирались от Корейского залива на востоке до Крымского полуострова на западе, от пустыни Гоби на юге до озера Байкал и границы с таежным краем на севере. Одним из проявлений новой средневековой культуры и была каменная скульптура.

К раннесредневековым изваяниям Алтая, относящимся к раннетюркскому периоду (VI — первая половина VII в.), по-видимому, следует отнести в первую очередь антропоморфные стелы и так называемые лицевые изваяния. В этот период поминальные памятники, как и иконография самих изваяний, у раннесредневековых кочевников Алтая еще не получили своего классического, завершенного вида. Тюркоязычные кочевники Саяно-Алтая продолжали устанавливать изваяния и возводить поминальные оградки на протяжении всей второй половины I тыс. н. э. На это не повлияли ни разгром Второго Восточно-Тюркского каганата в 742 г., ни образование сначала Уйгурского (745–840 гг.), а затем и Кыргызского каганатов (середина IX–XI в.). Более того, число раннесредневековых изваяний периода VII–VIII вв. на Алтае, судя по изображенным на них реалиям, достаточно велико и составляет едва ли не половину их общего количества.

Определенную информацию можно получить, анализируя реалии, изображенные на каменных фигурах. Для этого археологами используется метод сопоставления изображений пояса, оружия, сосудов с артефактами из раннесредневековых погребений или корреляция их с настенной живописью и другими изобразительными данными из земледельческих центров Китая и Согда. Отдельные элементы костюма и вооружения позволяют определить примерную дату изготовления каменных скульптур и их вероятную этнокультурную или племенную принадлежность. Подобно многим чертам погребальной обрядности (сопребение коня, сооружение насыпи курганов, возведение балбалов и др.), элементам материальной и духовной культуры, традиция установки антропоморфных изваяний у тюркоязычных кочевников уходит своими корнями в эпоху бронзы — раннего железного века.

В случае с лицевыми изваяниями метод аналогий с датированными артефактами и изобразительными данными применить невозможно, и они мо-

гут быть датированы либо очень широко в пределах второй половины I тыс., либо узко, но с опорой на конструктивные особенности поминального сооружения, используя радиоуглеродное датирование. Последние 20 лет все большее применение для датировки поминальных сооружений — каменных изваяний получают методы естественных наук: радиоуглеродное датирование, дендрохронологические определения и их перекрестное использование, в том числе с применением методики *wiggle-matching*. В большинстве случаев подобное датирование подтверждает выводы археологов, к которым они пришли на основе традиционных методов датировки. Так, например, по поминальным оградкам с уникальными изваяниями в Апшиякте была получена радиоуглеродная дата в интервале 526–652 гг.⁶⁷⁶ Это в свою очередь хорошо согласуется с датировкой могильника Кудыргэ (вторая половина VI–VII в.) и, по-видимому, большинства жанровых сцен и скульптур с изображениями трехрогого головного убора. Полученная дата лишней раз подтверждает, что лицевые изваяния и смежные оградки кудыргинского типа относятся к раннетюркскому периоду. Дополнительным доводом в пользу датировки изображений женщин в трехрогом головном уборе и сцен, персонажами которых являются правитель и его жена, VI–VII вв. служат монеты с территории Согда⁶⁷⁷.

Примерами определения времени сооружения поминальных оградок путем перекрестного датирования при помощи радиоуглеродного и дендрохронологического анализов являются исследования, проведенные с дендробразцами из оградок Кызыл-Шина (Российский Алтай) и из мемориального комплекса Хар-Ямаатын-гол (Монгольский Алтай)⁶⁷⁸. Важен сам факт датировки раннесредневековых поминальных оградок из Кызыл-Шина раннетюркским периодом — концом VI–VII вв. Все пять оградок были возведены без большого хронологического перерыва в интервале 579–699 гг.⁶⁷⁹ На примере объекта № 18 из Кызыл-Шина можно в очередной раз констатировать наличие в этот период отдельной разновидности раннесредневековых мемориальных памятников в виде круглых каменных насыпей. Эта кладка сооружена в тот же период, что и другие рассматриваемые здесь «классические» оградки. Их сближает такая характерная особенность, как наличие

⁶⁷⁶ Кубарев Г. В. Древнетюркские изваяния из Апшиякты в Центральном Алтае... С. 101.

⁶⁷⁷ Шагалов В. Д., Кузнецов А. В. Каталог монет Чача III–VIII вв. Ташкент: Фан, 2006. С. 75, 79.

⁶⁷⁸ Кубарев Г. В. Древнетюркские изваяния из Апшиякты в Центральном Алтае... С. 146–148; Кубарев Г. В. Древнетюркские оградки Кызыл-Шина (Юго-Восточный Алтай) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2018. № 2 (46). С. 87, 88.

⁶⁷⁹ Кубарев Г. В. Древнетюркские оградки Кызыл-Шина... С. 88.

вкопанного в центре лиственничного столба. Поминальные раннесредневековые сооружения в виде круглых каменных кладок исследованы, в том числе, на могильнике Бике III на Средней Катуні⁶⁸⁰. Обращает на себя внимание тот факт, что под их насыпями, подобно объекту 18 в Кызыл-Шине, зафиксированы столбовые ямки с каменной забутовкой и древесным тле-ном, а датировка этих сооружений, согласно радиоуглеродным определе-ниям, находится в пределах V–VII вв.

Немногочисленные оградки юстыдского типа, насчитывающие на юге Ал-тая всего около полутора десятков объектов, по-видимому, были оставлены тюрками-тугю и датируются хронологическими рамками Второго Тюркско-го каганата (682–744 гг.), а возможно, и более узким периодом — 682–710 гг. Во всяком случае, группы карлукских тамг и тамг рода Ашина, вырезанные на серебряном сосуде из юстыдской оградки, позволяют прийти к такому выводу. Исходя из исторической канвы, известной по письменным источ-никам, союз между тюрками-тугю и карлуками мог быть заключен и под-держиваться в первые тридцать лет существования этого государственного образования — 682–710 гг., вплоть до начала тюрко-карлукских войн в 711 г. Раннесредневековые поминальные памятники II и III типа Монголии, ана-логичные юстыдским, по мнению В. Е. Войтова, относятся именно к эпохе Второго Тюркского каганата⁶⁸¹. Кроме конструктивных особенностей мон-гольские комплексы этих типов и алтайские оградки юстыдского типа свя-зывает и воспроизведение тамг рода Ашина в виде горного козла. С одной стороны, это тамги на юстыдском серебряном сосуде из поминального ком-плекса, с другой — такие же тамги на плитах памятника Хуль-Асхете I и Ша-тар-Чулу II⁶⁸².

Если наше предположение о принадлежности немногочисленных реа-листичных изваяний с треугольными отворотами-лацканами и косами (рис. 38, 1–7) тюркам племени тули (чеби) верно, то эти изваяния, опи-раясь на сведения письменных источников, можно датировать весьма узко — VII в. Этой датировке не противоречат реалии, воспроизведенные на этой группе изваяний.

⁶⁸⁰ Соёнов В. И., Трифанова С. В., Константинов Н. А., Штанакова Е. А. Раскопки средневе-ковых объектов на могильнике Бике III // Древности Сибири и Центральной Азии. Горно-Алтайск, 2009. № 1/2. С. 80–81.

⁶⁸¹ Войтов В. Е. Древнетюркский пантеон и модель мироздания в культово-поминальных па-мятниках Монголии VI–VIII вв. М.: Изд-во ГМБ, 1996. С. 49, 61.

⁶⁸² Войтов В. Е. Древнетюркский пантеон и модель мироздания... С. 51, 61, рис. 52, 4, 5; 67; 72, 3.

Женское изваяние кимако-кыпчакского облика из местности Айлян (рис. 43) можно датировать IX–XI вв. Подобные изваяния Восточного Казахстана датируются исследователями IX–XI вв. и вплоть до XIII в.⁶⁸³

Иконография, гендерная принадлежность, материал и техника изготовления изваяний. Материалом для изготовления изваяний, как правило, служили мягкие породы камня: песчаник, гнейс, алевролит и различные сланцы. Гораздо реже применялись интрузивные горные породы: граниты, диориты и габбро, что, конечно же, связано со сложностью их обработки. В тех случаях, когда материал изготовления скульптур удалось «привязать» к конкретным свитам пород и скальным выходам, можно констатировать, что, как правило, камень брался всего в 1–2 км от мест установки монументальных памятников. Лишь в единичных случаях заготовки для изваяний вывозились на расстояние в 15–20 км.

Технические приемы ваяния и применяемые инструменты в целом, вероятно, были одинаковыми у мастеров Алтая, Тувы, Монголии и Семиречья, так как каменные изваяния — памятники единого круга раннесредневековых кочевников. Культовый характер памятников канонизировал не только иконографические черты раннесредневековых изваяний, но и определял консервативность основных технических приемов. Самым распространенным техническим приемом у древнеалтайских мастеров был барельеф. Значительная часть изваяний Алтая выполнена в технике высокого и низкого рельефа. Наряду с ними на Алтае очень много памятников и лицевых стел, на гладких поверхностях которых точечной техникой нанесены только изображения лица или головы человека. Все детали на таких изваяниях выполнены серией редких и неглубоких точек, иногда сливающихся в полосу или неглубокий желобок. Окончательная отделка включала шлифовку отдельных фигур, а в некоторых случаях, возможно, и раскраску деталей в различные цвета (особенно в тех случаях, когда памятник был выполнен из светлых пород камня).

Иконографию алтайских изваяний можно назвать канонической для подобных памятников эпохи раннего Средневековья в Центрально-Азиатском регионе. Около 40% от всех скульптур представлены изображениями мужчины анфас, держащим правой рукой сосуд перед грудью, а левой — опирающимся на рукоять меча, сабли или кинжала (рис. 44, 1, 2; 3, 1–4, 5; 5, 1–4, 6–8).

⁶⁸³ Чариков А. А. Каменные скульптуры средневековых кочевников Прииртышья // Археологические исследования древнего и средневекового Казахстана. Алма-Ата: Наука Каз. ССР, 1980. С. 138 и др.

Рис. 44. Разнотипные раннесредневековые изваяния Алтая: в канонической позе (1, 2), лицевые изваяния (3–7), скульптуры с сосудом в обеих руках (8–11). 1 — Шиверта; 2 — Озёрное; 3 — Куюс; 4 — Айтэны; 5 — Курайская степь; 6 — Теньга; 7, 11 — Нижняя Талда; 8 — Макажан; 9 — Юстыд; 10 — Алтай (точное местонахождение не известно).

Масштаб разный. Фото и рисунки Г. В. Кубарева

Почти у половины этой группы памятников отсутствует изображение оружия и в некоторых случаях пояса. Сложно сказать, сделано ли это умышленно или вызвано технической сложностью воспроизведения этих деталей. Самая многочисленная группа алтайских изваяний (почти 60%) имеет изображение только лица или силуэта головы человека — так называемые лицевые изваяния (рис. 44, 3–7; 5, 5). Стилистической особенностью является тщательно выполненное лицо и увеличенная или равная туловищу голова. Значительное число этих монументов выполнено на плитах и валунах, а весьма часто — на стелах и даже на оленных камнях, стоявших ранее в погребально-ритуальных комплексах эпохи бронзы и раннего железного века. И только чуть более 1% от общего числа составляют четыре каменные фигуры с сосудом в обеих руках (рис. 44, 8–11). Две из них объединяет воспроизведение чрезмерно большого сосуда, поддерживаемого руками перед животом (рис. 44, 10, 11). У двух других небольших изваяний изображены миниатюрные сосуды в руках на уровне груди и показаны детали одежды (рис. 44, 8, 9).

К иконографии раннесредневековых монументальных памятников Алтая чрезвычайно близки такие же памятники Южной и Западной Тувы, Монгольского, Казахского и Китайского Алтая, что свидетельствует о тесных отношениях между оставившими их группами людей, вероятно, принадлежавших к одному и тому же племени (племенам). В Центральной Туве, например, кроме собственно тюркских изваяний, изображающих людей в канонической позе, известны и сильно отличающиеся от них уйгурские скульптуры. На них изображены своеобразные головные уборы, пояса с большим количеством подвесных ремешков и лировидными подвесками. Как правило, на уйгурских изваяниях не воспроизводилось клинковое оружие, а сосуд поддерживался обеими руками. Уйгуры не устанавливали свои изваяния у поминальных оградок, подобно другим тюркоязычным кочевникам. Необходимо отметить, что у поминальных оградок со рвами тюркской знати на Алтае отсутствуют скульптурные изображения львов, черепах, сидящих людей, подобно тому, как это зафиксировано в Центральной Монголии, Туве и Семиречье. На Алтае не представлены скульптуры с птицей или посохом в руке, в одежде типа накидки или в кафтане с широкими обшлагами как, например, в Семиречье. Таким образом, можно говорить о гомогенности и монокультурности (?) каменных скульптур Алтая в сравнении с такими же монументальными памятниками, например, Центральной Тувы, Монголии и Семиречья.

Любопытно, что тюркоязычные кочевники Алтая, Тувы и Монголии довольно часто вторично использовали монументальные памятники предшествующих эпох, прежде всего так называемые оленные камни эпохи позд-

ней бронзы — раннего железного века (VIII–V вв. до н. э.). Эти факты, вероятно, объясняются не только отсутствием близлежащих подходящих каменных блоков, но и какими-то идеологическими воззрениями тюркоязычных народов. Возможно, одиноко стоящие стелы на могильниках более всего подходили для «вселения» в них душ умерших. Из оленных камней иногда возводили стенки оградки, но чаще всего они служили изваянием. При этом их могли использовать либо без каких-либо дополнительных выбивок-изображений, либо воспроизведя лицо, руки, пояс и т. п. Несмотря на то, что изображения личин собственно на оленных камнях крайне редки, идея воплощения в них воина с поясом, оружием, серьгами и другими атрибутами была близка и понятна тюркоязычным кочевникам. Иллюстрацией вторичного использования тюрками монументальных памятников эпохи бронзы являются изваяния из местности Чадыр, на р. Карагем и в степи Макажан (рис. 45). На вкопанных в небольших квадратных оградках эпохи бронзы стелах были выбиты человеческие лица. Камни даже не были перемещены с места своей первоначальной установки.

Рис. 45. Вторично использованная тюрками стела под изваяние в оградке эпохи бронзы. Урочище Тюргун. Фото В. Д. Кубарева

Как уже упоминалось, большинство раннесредневековых изваяний Алтая, как и собственно Центральной и Средней Азии, достаточно схема-

тичны и даже примитивны. Объяснение этому, по-видимому, нужно искать в социально-имущественном положении рядовых членов тюркского общества — воинов или лиц других сословий (отсутствие возможности нанять профессионального каменотеса-скульптора, изготовление изваяния собственными силами и т. п.). Однако нормы и традиции погребально-поминальной обрядности многих тюркоязычных кочевников требовали изготовления и установки каменной или деревянной скульптуры, передающей облик покойного, по-видимому, даже в том случае, если портретное сходство не было достигнуто. Возможно, поэтому так широко были распространены лицевые изваяния, на которых изображены черты лица или только выделена из каменного монолита голова человека. Даже обычная, необработанная стела или антропоморфного вида камень также могли замещать и символизировать фигуру человека. У многих алтайских оградок стоят плиты или продолговатой (антропоморфной) формы валуны, на гладких поверхностях которых могли быть нарисованы краской детали лица, пояс, оружие и другие аксессуары древнетюркского костюма⁶⁸⁴. Надо полагать, подобную традицию, зародившуюся в Центральной Азии, унаследовали половецкие мастера, применявшие для раскраски изваяний черную и красную краски⁶⁸⁵. Мы также полностью разделяем точку зрения Л. Р. Кызласова и Л. Н. Ермоленко о том, что на стелы и лицевые изваяния могли надеваться одежда покойного и подвешиваться его личное оружие⁶⁸⁶. В таком случае одежда и оружие могли символизировать образ умершего и «компенсировать» отсутствие или недостаточное портретное сходство нарисованного лица или головы с конкретным человеком. Очевидно, и в таком варианте обычай и нормы погребально-поминальной обрядности тюрков формально были соблюдены.

Стремление каменотесов-скульпторов к портретному сходству наиболее четко прослеживается на примере реалистичных и объемных скульптур тюркской знати. Известно большое число тщательно и мастерски выполненных скульптурных изображений представителей тюркоязычной знати, в особенности на территории Монголии и Семиречья. Эти изваяния отличает индивидуальность в изображении черт лица, покрое костю-

⁶⁸⁴ Кубарев В. Д. Древнетюркские изваяния Алтая... С. 82.

⁶⁸⁵ Плетнева С. А. Половецкие каменные изваяния // САИ. 1974. Вып. Е 4–2. Рис. 28а.

⁶⁸⁶ Кызласов Л. Р. История Тувы в средние века. М.: Изд-во МГУ, 1969. С. 26; Ермоленко Л. Н. Средневековые каменные изваяния казахстанских степей (типология, семантика в аспекте военной идеологии и традиционного мировоззрения). Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2004. С. 42–43.

ма, вплоть до воспроизведения орнамента шелковой ткани кафтана, наличия знаков социального и имущественного статуса (головных уборов, гривен, серег, браслетов, поясов, дорогого оружия). Наиболее тщательно выполненные фигуры представителей раннесредневековой элиты Алтая также показаны в парадном облачении, с клинковым оружием (меч/сабля и кинжал) на поясе, набранном фигурными бляхами. Обычно в правой руке знатного воина находится чаша или кубок, левая опущена на рукоять меча или сабли (рис. 39, 1; 5, 1–4).

Как правило, раннесредневековые изваяния Алтая и в целом, Центрально- и Средне-Азиатского регионов, воспроизводили мужчину-воина, хотя на территории Семиречья имеется небольшая группа женских скульптур в трехрогом головном уборе (рис. 46, 9–18). Отсутствие ярко выраженных гендерных признаков (изображения усов и бороды), а также пояса и оружия у части самой многочисленной группы лицевых изваяний Алтая не позволяет отрицать факт того, что они могли воспроизводить женщин⁶⁸⁷. По меньшей мере, 50 подобных лицевых изваяний из более чем 300 скульптур насчитывается на Алтае. Такая же закономерность выявлена и при изучении раннесредневековых изваяний Тувы, Монголии, Синьцзяна и Семиречья. В редких случаях у оградки вкапывались парные изваяния, одно из которых с оружием и поясом — мужское, другое, предельно схематичное лицевое — женское. По-видимому, они олицетворяли собой мужа — воина-*батыра* и его жену — *катун*.

Ярким подтверждением этой идеи являются обнаруженные нами на Алтае в местности Апшиякта два уникальных памятника, на каждом из которых выбиты две личины: сверху — мужская, а снизу — женская в трехрогом головном уборе (рис. 47, 3, 4)⁶⁸⁸. Обращает на себя внимание предельный схематизм в воспроизведении черт лица и их отличие от сложившегося позднее тюркского канона: линии рта, носа и глаз соединены между собой. Глаза как будто подразумеваются и являются продолжением линии носа. Такое взаиморасположение мужской и женской личин на одном изваянии встречено впервые не только на Алтае, но и на всей территории распространения раннесредневековых статуарных памятников — в Монголии, Туве, Семиречье, Восточном Туркестане, что и подчеркивает экстраординарность скульптур из Апшиякты.

⁶⁸⁷ Примерно одну треть из 145 известных к середине 1960-х гг. скульптур Семиречья Я. А. Шер отнес к изваяниям, пол персонажей которых неясен, у них отсутствует борода и усы, а также оружие. См.: Шер Я. А. Каменные изваяния Семиречья. М.; Л.: Наука, 1966.

⁶⁸⁸ Кубарев Г. В. Древнетюркские изваяния из Апшиякты в Центральном Алтае... С. 93–103.

Рис. 46. Изображение женщины в трехрогом головном уборе в наскальном искусстве (2,2а), на роговом предмете из погребения с конем (8), на каменных раннесредневековых изваяниях (1,9–18) Семиречья и монетах Чача (3–7). 1,2,2а — Когалы (1 — по: Рогожинскому, 2012, рис. 8, 1; 2 — рисунок Г.В. Кубарева по: Касанову, Кан, Рогожинскому, 2017, с. 226; 2а — по: Рогожинскому, Солодейникову, 2012 рис. 8); 3–7 — раннесредневековый Чач (Ташкент) (фото Г.Б. Бабаярова); 8 — Суттуу-Булак I, курган 54 (по: Табалдиев, 1996, рис. 22); 9–11,13 — Бурана (по: Табалдиеву, Шаменовой,

2003, с. 13–14); 12 — Балта-Бейит, огр. 4 (по: Худяков, Табалдиев, 2009, рис. 56, 2); 14 — Балхаш (по: Ермоленко, 2004, рис. 6, 17); 15 — долина р. Талас, Киргизия (по: Худяков, Табалдиев, 2009, рис. 129); 16 — Беш-Таш-Короо III, огр. 25; 17 — Калмак-Таш (по: Худяков, Табалдиев, 2009, рис. 53, 4); 18 — Каратау (фото Г. В. Кубарева)

И что более удивительно, в нескольких десятках метров от изваяний нам удалось скопировать сцену раннесредневековых граффити с центральным персонажем в виде женщины в трехрогом головном уборе (рис. 47, 1)⁶⁸⁹. Женщина, по-видимому, изображена в позе роженицы. Изваяния и гравировка, несомненно, связаны между собой и созданы в один и тот же короткий промежуток времени.

Эти нетривиальные изваяния входят в круг изобразительных и монументальных памятников раннего периода (VI–VII вв.) древнетюркской эпохи Центральной и Средней Азии, одним из главных персонажей которого является женщина в трехрогом головном уборе. Часто их связывает сюжет, воспроизведенные на них, по сути, этнографические реалии и, по-видимому, общее смысловое содержание. К наиболее известным из этих памятников принадлежит знаменитый кудыргинский валун с выгравированной жанровой сценой (рис. 47, 5, 7).

Близкие к ней композиции известны в петроглифах Бичикту-Боме в Российском Алтае (рис. 47, 6, 8), гравировке на роговом гребне из могильника Суттуу-Булак в Киргизии (рис. 46, 8), на тюркском изваянии (рис. 46, 1) и на скальном рисунке (рис. 46, 2) в урочище Когалы в Казахстане, на скульптуре из долины р. Хар-Ямаатын-гол в Монгольском Алтае. Изваяния женщин в трехрогом головном уборе происходят преимущественно из Семиречья (рис. 46, 9–18) и лишь два (совместно с мужскими личинами) — с Алтая, из урочища Апшиякта (рис. 47, 3, 4). Однако изображения знатных женщин древнетюркской эпохи VI–VII вв. были распространены значительно шире — от Хакасии до Средней Азии — Согда. Тем не менее основная масса подобных гравированных изображений приходится на Алтай и Семиречье (рис. 46, 47).

В раннесредневековых изваяниях с изображениями трехрогого головного убора, как и в персонажах в таком головном уборе, выгравированных на камне, кости и др., запечатлены знатные женщины, а не шаманы (шаманки) и тем более не богиня Умай или Богоматерь.

⁶⁸⁹ Кубарев Г. В. Изображение женщины в трехрогом головном уборе из Апшиякты и его историко-культурный контекст // Древнее искусство в контексте культурно-исторических процессов Евразии: к 300-летию научного открытия Томской писаницы: материалы Всерос. науч. конф. с междунар. участием. Кемерово: Изд-во КРИП-КиПРО, 2021. С. 170–179.

Рис. 47. Изображение женщины в трехрогом головном уборе в наскальном искусстве (1,2,6,8) и на каменных раннесредневековых изваяниях (3,4,5,7) Алтая. 1–4 — Апшиякта (фото и рисунки Г. В. Кубарева); 5,7 — Кудыргэ, мог. 16 (по: Гаврилова, 1965, табл. VI);

6 — Бичикту-Бом (по: Кубарев, 2003, рис. 1, 1); 8 — Бичикту-Бом (по: Мартынов, Елин, Еркинова, 2006, с. 241, № 856)

В пользу этого свидетельствует установка изваяний у поминальных оградок, семейный характер части таких памятников, изображения тюркских правителя и правительницы на согдийских монетах (рис. 46, 3–7), каноническое воспроизведение мужчины и женщины (мужа — жены) в юрте (рис. 47, 6; 10, 1, 8) и др.⁶⁹⁰

Не вызывает сомнения гендерная принадлежность уже упомянутого женского изваяния из урочища Айлян (рис. 43). Это единственное ранне-средневековое изваяние Алтая, на котором воспроизведена женская грудь, что очень характерно для изваяний кимако-кыпчакского облика с территории Казахстана.

Оградки — поминальные сооружения. Раннесредневековые каменные изваяния Алтая устанавливались с восточной стороны от квадратных/прямоугольных сооружений, выполненных из вертикально вкопанных плит и имеющих внутреннее каменное заполнение. К востоку от изваяния, как правило, отходит ряд из вертикально вкопанных камней — балбалов (рис. 48). На сегодняшний день на территории Российского Алтая расплано более 320 поминальных оградок (рис. 49)⁶⁹¹. Количество подобных не-

⁶⁹⁰ Кубарев Г. В. Древнетюркские изваяния из Апшиякты в Центральном Алтае... С. 93–103; Кубарев Г. В. Изображение женщины в трехрогом головном уборе из Апшиякты... С. 170–179.

⁶⁹¹ Гаврилова А. А. Могильник Кудыргэ как источник... С. 99–103, табл. III–V; Кубарев В. Д. Новые сведения о древнетюркских оградках Восточного Алтая // Новое в археологии Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск: Наука, 1979. С. 135–161; Кубарев В. Д. Древнетюркские изваяния Алтая. Новосибирск: Наука, 1984. С. 49; Могильников В. А., Елин В. Н. Курганы Талдура... С. 127–153; Худяков Ю. С., Бородовский А. П. Раскопки на средней Катуні... С. 17–20; Кубарев Г. В. Исследование древнетюркских оградок в местностях Кыйу и Кызыл-Шин // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005б. Т. XI, ч. I. С. 368–374; Кубарев Г. В. Оградки кудыргинского типа в урочище Ак-Кообы... С. 219–235; Кубарев Г. В. Древнетюркские оградки Кызыл-Шина... С. 79–89; Бородовский А. П. Исследование одного из погребально-поминальных комплексов древнетюркского времени на Средней Катуні // Археология Горного Алтая. Барнаул: Изд-во АГУ, 1994. С. 75–82; Бородовский А. П. Позднетюркский поминальник на нижней Катуні... С. 176–179; Горбунов В. В., Тишкин А. А. Каменные изваяния тюркского времени... С. 119–124; Семибратов В. П., Матренин С. С. Исследование погребальных и поминальных памятников тюркской культуры в зоне строительства Алтайской ГЭС в 2007 г. // Теория и практика археологических исследований. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2008. Вып. 4. С. 54–66; Суразаков А. С., Тишкин А. А., Шелепова Е. В. Археологический комплекс Котыр-Тас на Алтае. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2008. 112 с.; Соёнов В. И., Эбель А. В. Новые материалы из алтайских оградок // Гуманитарные науки в Сибири. 1996. №3. С. 115–118; Соёнов В. И., Трифанова С. В., Константинов Н. А., Штанакова Е. А. Раскопки средневековых объектов на могильнике Бике III... С. 74–95; Серегин Н. Н., Шелепова Е. В. Тюркские ритуальные комплексы Алтая (2-я половина I тыс. н. э.): систематизация, анализ, интерпретация. Барнаул: Азбука, 2015. С. 47 и др.

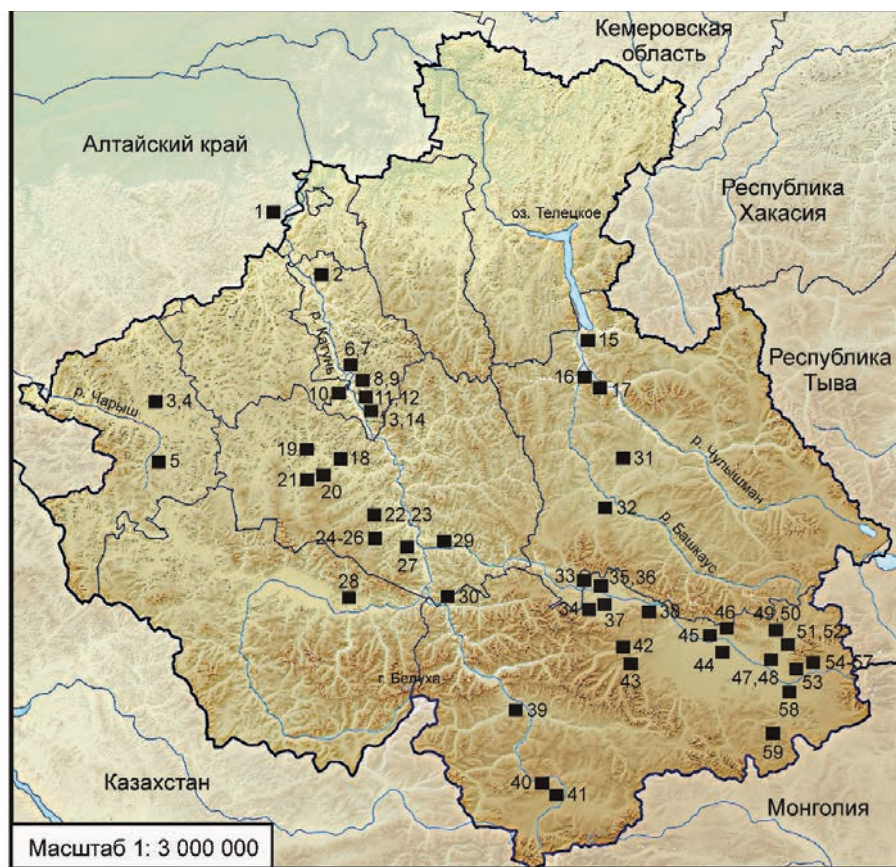
исследованных объектов не поддается точному подсчету — их число исчисляется сотнями.

Один из авторов данного раздела в свое время расширил типологию раннесредневековых оградок Алтая, предложенную А. А. Гавриловой, до пяти типов: 1. *Кудыргинский* — коллективные смежные оградки (рис. 50); 2. *Яконурский* — рядом стоящие оградки с изваяниями и антропоморфными стелами (рис. 51); 3. *Аютинский* — поминальные оградки древнетюркской знати, окруженные валом и рвом (рис. 52); 4. *Юстыдский* — малые оградки, составленные, как правило, из четырех плит с остатками ствола в центре и жертвенными сосудами (рис. 53); 5. *Уландрыкский* — со стелой или валуном в центре оградки (рис. 54)⁶⁹².

Рис. 48. Вид на тюркские поминальные оградки с отходящими от них к востоку рядами балбалов. Долина р. Бугузун. Фото Г. В. Кубарева

⁶⁹² Кубарев В. Д. Новые сведения о древнетюркских оградках Восточного Алтая... С. 148; Кубарев В. Д. Древнетюркские изваяния Алтая... С. 50, 51.

■ - раннесредневековые поминальные оградки

Рис. 49. Карта распространения исследованных поминальных оградок древнетюркского периода на территории Республики Алтай. 1 — Бирюзовая Катунь; 2 — Верх-Чепош; 3 — Сары-Кобы; 4 — Яконур; 5 — Мендур-Соккон; 6 — Бике; 7 — Чобурак; 8 — Биченег; 9 — Кишнег-Атудар; 10 — Конурат; 11 — Айрыдаш; 12 — Кызык-Телань; 13 — Тогусхан; 14 — Бойтыгем; 15 — Кудыргэ; 16 — Кок-Паш; 17 — Коо; 18 — Курота; 19 — Кара-Коба; 20 — Кулада; 21 — Нижняя Соору; 22 — Онгудай; 23 — Усть-Карасу; 24 — Айтэны; 25 — Яломан; 26 — Кур-Кечу; 27 — Булан-Кобы; 28 — Катанда; 29 — Белый Бом; 30 — Сатакулар; 31 — Пазырык; 32 — Узун-Язы; 33 — Боротал; 34 — Тадила; 35 — Кызыл-Таш; 36 — Курай; 37 — Тётё; 38 — Кызыл-Шин; 39 — Макажан; 40 — Бертек; 41 — Кальджин; 42 — Талтура; 43 — Елангаш; 44 — Мухор-Тархата; 45 — Котыр-Тас; 46 — Табажек; 47 — Каман-Тон; 48 — Кош-Тал; 49 — Малталу; 50 — Согонолу; 51 — Дьер-Тебе; 52 — Ян-Гобо; 53 — Туру-Алты; 54 — Ак-Кобы; 55 — Барбургазы; 56 — Чадыр; 57 — Юстыд; 58 — Терс-Акан; 59 — Уландрык

Рис. 50. Зачищенные насыпи смежных оградок № 6–9 кудыргинского типа. Ак-Кообы.
Фото Г. В. Кубарева

Рис. 51. Поминальная оградка яконурского типа в местности Кыйу. Фото Г. В. Кубарева

*Рис. 52. Мемориальный комплекс с валом и рвом аютинского типа в урочище Кыпчыл.
Фото В.Д. Кубарева*

*Рис. 53. Поминальная оградка №2 юстыдского типа. Долина р. Юстыд.
Фото В.Д. Кубарева*

Рис. 54. Оградка уландрыкского типа. Долина р. Барбургазы. Фото В. Д. Кубарева

Наиболее многочисленными являются поминальные оградки яконурского и кудыргинского типов. Они, как правило, имеют квадратную форму, стенки длиной 3–4 м ориентированы по странам света и сложены из нескольких сланцевых плит (иногда валунов или рваных камней). Пространство внутри оградки часто бывает выложено на уровне древней поверхности сланцевыми плитами. Сверху них уложено заполнение из камней высотой в среднем 25–35 см. Зачастую сооружения имеют дополнительные элементы: центральную яму с остатками бревна или жерди, жертвенную ямку с пожертвованными предметами, стенки которой выложены каменными плитками или деревянными дощечками, угольные пятна как внутри, так и снаружи сооружения и т. д. У оградок кудыргинского типа, как правило, изваяния отсутствуют либо их заменяют стелы (часто ориентированные узкой гранью на восток) или лицевые изваяния. Тогда как у оградок яконурского типа часто устанавливались изваяния мужчин-воинов в канонической позе.

Следует согласиться с мнением А. А. Гавриловой, которая предполагала, что смежные оградки кудыргинского типа — памятники семейные, а ящики сооружались для детей⁶⁹³. Само расположение оградок в одну линию может говорить о семейно-родственных отношениях людей, в честь которых

⁶⁹³ Гаврилова А. А. Могильник Кудыргэ как источник... С. 16.

и были возведены эти сооружения. К выводу о том, что оградки кудыргинского типа, исследованные на территории Тянь-Шаня и Казахстана, благодаря своему взаиморасположению, а также наличию мужских и женских изваяний, имеют семейный характер, пришли и другие исследователи⁶⁹⁴.

Аютинские оградки, представляющие собой поминальные сооружения знати, известны исключительно на территории Южного Алтая. Эти поминальные комплексы включают в себя оградку/оградки стандартных размеров (около 4х4 м), окруженные валом и рвом размерами от 12х8 м до 34х30 м. Отличие аютинских оградок от других раннесредневековых поминальных сооружений заключается в установке около них особенно реалистичных и мастерски выполненных изваяний (рис. 39, 1; 5, 2, 3). На сегодняшний день на Алтае известно десять подобных мемориальных комплексов: Аюты, Джазатор, Макажан, Боголок, Бугузун, Малталу, Аржан-Бугузун, Ян-Гобо, Башкауз и Актру⁶⁹⁵. Часть из этих поминальных сооружений раскопана и, как правило, не только внутри, но и с внешней стороны оградок зафиксированы столбовые ямки с остатками деревянных столбов или жердей. Вероятно, первоначально они выступали опорами деревянного навеса над каменным сооружением.

Немногочисленными являются оградки юстыдского и уландрыкского типов. Они так же, как и аютинские памятники, представлены только на территории Южного Алтая. Оградки юстыдского типа больше всего напоминают «саркофаги» или каменные ящики раннесредневековой эпохи, известные в Центральной Монголии и, в частности, среди орхонских памятников. Юстыдские оградки отличаются разнообразием дополнительных сооружений: ямы в центре и по углам оградки для столбов или жердей, каменные жертвенные ящики с углями, костями животных и обломками керамических сосудов, зольными пятнами. Сооружения юстыдского и уландрыкского типов с восточной стороны также имеют ряд из балбалов, как и другие типы оградок.

Памятники юстыдского типа находят многочисленные параллели на территории Монголии и в особенности центральной ее части. Это II и III типы выделенных В. Е. Войтовым мемориальных раннесредневековых сооружений Монголии⁶⁹⁶. На территории Тувы они пока не обнаружены. При этом

⁶⁹⁴ Табалдиев К. Ш. Курганы средневековых кочевых племен Тянь-Шаня. Бишкек: Айбек, 1996. С. 72–73; Досымбаева А. М. Западный тюркский каганат. Культурное наследие казахской степи. Алматы: Тюркское наследие, 2006. С. 29.

⁶⁹⁵ Кубарев В. Д. Древнетюркские изваяния Алтая... С. 51–55.

⁶⁹⁶ Войтов В. Е. Древнетюркский пантеон и модель мироздания... С. 49–65.

в Монголии внутри ящиков-оград крайне редко встречаются остатки стволов деревьев и отсутствуют сосуды перед изваяниями. Практически идентичными юстыдским оградкам выступают мемориальные памятники III типа в Монголии: наличие четырехплитового ящика, изваяния, балбалов, отходящих на восток, отсутствие вала и рва⁶⁹⁷. В одном случае у памятника II типа Худуу-Нур I в центре каменных ящиков обнаружены остатки деревянных столбов, в другом — грубое изваяние в Баян-Цагане выполнено из переиспользованного обломка оленного камня⁶⁹⁸. Подобные элементы поминального сооружения характерны и для оградок юстыдского типа на Алтае.

Несмотря на некоторую условность предложенной типологии, она в определенной степени отражает различия в конструкции и взаиморасположении объектов. Хотя, безусловно, эти различия могли диктоваться разными факторами: социальным статусом человека, возрастной и гендерной принадлежностью и др. Эта типология не всегда отражает хронологическую и эволюционную связи разнотипных объектов — зачастую они сосуществовали.

Рис. 55. Основание раннесредневековой оградки из сланцевых плит, лиственничный ствол в центре, жертвенная ямка и каменная стела у восточной стенки. Кызыл-Шин, оградка № 5. Фото Г. В. Кубарева

⁶⁹⁷ Войтов В. Е. Древнетюркский пантеон и модель мироздания... С. 61–65.

⁶⁹⁸ Там же. С. 49, 50.

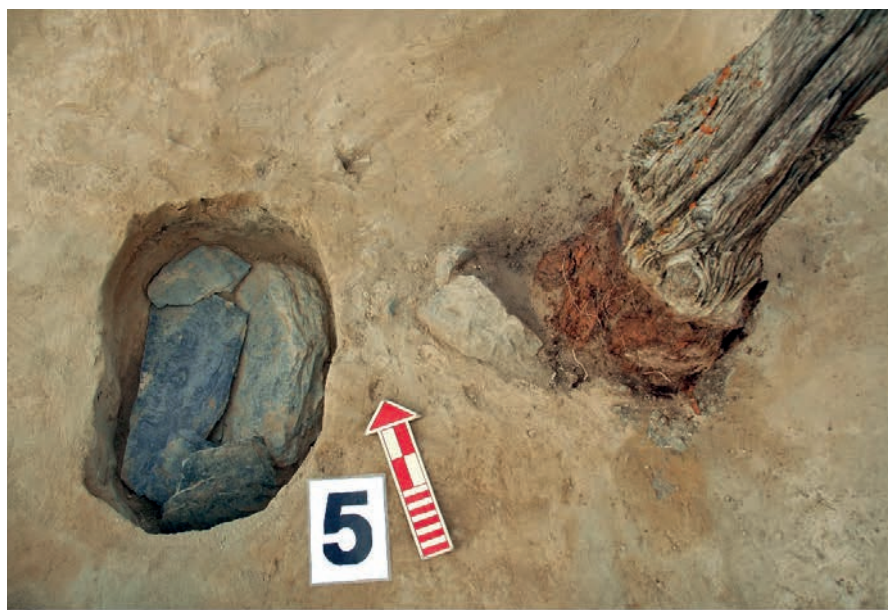

Рис. 56. Жертвенная ямка, перекрытая сланцевыми плитками, и лиственничный ствол в центре оградки (1). Вид на жертвенную ямку и предметы в ней (2). Кызыл-Шин, оградка №5. Фото Г. В. Кубарева

Как правило, в поминальных оградках Алтая фиксируются столбовые ямки с остатками деревянных столбов или жердей, жертвенные ямки, зольные пятна внутри и/или снаружи, мелкие кальцинированные кости животных (рис. 55, 56). Какие-либо артефакты встречаются достаточно редко.

Рис. 57. Предметы из жертвенника раннесредневековой оградки 5. Кызыл-Шин.
 1 — миниатюрный деревянный сосудик; 2 — обломок железного votивного копья (?)
 с втулкой и древком; 3 — обломок древка, окрашенного красной краской; 4 — железный
 нож; 5–7 — обрывки кожаных ремешков; 8 — панцирные пластины. Фото Г. В. Кубарева

В тех случаях, когда они в поминальных сооружениях все-таки представлены, это могут быть предметы конского снаряжения (стремена, удила, пряжки), отдельные панцирные пластины, ножи и пр., как правило, в специальном жертвеннике — ямке, стенки и верх которой обложены и перекрыты деревянными плашками или каменными плитками (рис. 56, 57). Особую категорию предметов занимают вотивные вещи — уменьшенные и нефункциональные копии оружия, сосудов, конского снаряжения, изготовленные специально для поминальных и ритуальных церемоний (рис. 57, 1, 2, 4; 57).

Кроме перечисленных типов поминальных оградок на сегодняшний день исследовано большое количество поминальных сооружений предтюркского (V–VI вв.) и раннетюркского периодов (VI–VII вв.), представляющих собой каменные кладки, как правило, округлой формы (Боротал, Кара-Коба I, Бике III, Чобурак-1, Кызыл-Шин и др.)⁶⁹⁹. Их сложно назвать собственно оградками, однако часто они содержат такие же важнейшие элементы, как столбовые ямки с остатками деревянных стволов, зольные пятна с кальцинированными костями животных, балбалы. В то же время часть из них содержит погребения коней в ямах (Кара-Коба I) и, вероятно, не имеет отношения к поминальному культу. По-видимому, такие ритуальные (?) и поминальные объекты наряду с традиционными оградками были характерны именно для раннетюркского периода (VI–VII вв.), предшествовали им в V–VI вв. и были генетически связаны с поминальными сооружениями гунно-сарматского времени.

Семантика поминально-ритуального комплекса «изваяние-оградка». Несмотря на порой скудость изобразительных средств, раннесредневековые изваяния удивительно индивидуальны и имеют портретное сходство с конкретными людьми, жившими на территории Алтая более тысячи лет назад. Давно забыты их имена, но алтайцы сохранили в недрах своей памяти сказания о кезерах — воинах, их ратных подвигах и об их происхождении. Для чего же тюркоязычные кочевники изготавливали и устанавливали эти скульптуры?

⁶⁹⁹ Кубарев В.Д. Новые сведения о древнетюркских оградках Восточного Алтая... С. 145–146. Рис. 15–18; Семибратов В.П., Матренин С.С. Исследование погребальных и поминальных памятников... С. 61–64. Рис. 6–8; Соёнов В.И., Трифанова С.В., Константинов Н.А., Штанакова Е.А. Раскопки средневековых объектов на могильнике Бике III... С. 80–81; Кубарев Г.В. Древнетюркские оградки Кызыл-Шина... С. 85, 87. Рис. 9, 10; Могильников В.А. Культовые кольцевые оградки и курганы Кара-Кобы I // Археологические и фольклорные источники по истории Алтая. Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1994. С. 95–104. Рис. 1–21 и др.

Наиболее убедительной и обоснованной представляется гипотеза об изваянии как двойнике покойного. Оно выступало не только временнымместилищем одной или нескольких душ умершего человека, но и его заместителем, двойником. У многих современных тюркоязычных народов до недавнего времени сохранялась традиция воплощения облика покойного не только в кукле или чучеле из его одежды, но и традиция изготовления деревянного или каменного изваяния умершего. При этом реалистичность и портретное сходство с ним было необязательным, и каменное изваяние не являлось предметом широкого культа, а почиталось только ближайшими родственниками (пожалуй, за исключением реалистичных фигур кочевой знати, которые могли быть объектом поклонения целого рода или племени).

Археологические источники и историко-этнографические свидетельства указывают на то, что изваяния служили изображениями конкретных умерших людей, — прежде всего, воинов и уважаемых, богатых и знатных тюрков. К примеру, о тувинцах сообщается, что «если покойник пользовался уважением народа, то возле него ставится его изображение, вытесанное из камня или из дерева»⁷⁰⁰. Тул — чучело покойного из его одежды, призванное сохранить образ и быть его временным воплощением, изготавливался для умершего мужчины — главы семьи или человека почтенного⁷⁰¹. Для кафи́ров из Нуристана (область Афганистана) отмечается: «Когда умирал леймоч (человек, убивший семь мужчин-врагов — Г. К.) или пырымоч (человек, совершенный во всем, богатый, отважный, гостеприимный, бывший леймоч — Г. К.), то из дерева изготовлялось грубое изваяние умершего; после этого один из рабов брал его на спину и прыгал (танцевал?) с ним по улицам деревни. Семь дней и семь ночей покойника не хоронили, а труп его выставляли на высоком месте. Тем временем изваяние его таким образом носили по улицам... На его могиле ставили его деревянное изваяние»⁷⁰².

Таким образом, можно констатировать, что в семантике раннесредневековых изваяний, особенно в фигурах знатных воинов, несомненно, присут-

⁷⁰⁰ Катанов Н. Ф. О погребальных обрядах у тюркских племен (с древнейших времен и до наших дней) // Известия общества археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском университете. 1894. Т. XII, вып. 2. С. 128.

⁷⁰¹ Фиельструп Ф. А. Из обрядовой жизни киргизов начала XX века. М.: Наука, 2002. С. 129, 131.

⁷⁰² Грюнберг А. Л. Нуристан. Этнографические и лингвистические заметки // Страны и народы Востока. Средняя и Центральная Азия (география, этнография, история). Вып. X. М.: Наука, 1971. С. 277.

ствуется аспект воинской славы, восхваления героических подвигов. Невозможно согласиться с мнением отдельных исследователей о том, что в раннесредневековых изваяниях заложен некий идеализированный и персонифицированный образ яростного тюркского воина, участвующего в пиршестве-жертвоприношении и почитании божества, покровительствующего кровопролитию. Как уже было рассмотрено, у тюркоязычных кочевников были известны и немногочисленные женские скульптуры, посвященные, в частности, знатым женщинам, одним из главных атрибутов костюма которых выступал трехрогий головной убор. Пожалуй, единственное женское изваяние кимако-кыпчакского облика на Алтае (из урочища Айлян), в отличие от тюркских женских изваяний, имеет предельно схематичные черты лица. Вероятно, кимако-кыпчакские изваяния воспроизводили обобщающий образ предка, матери-прародительницы, тогда как тюркские изваяния — некогда живших женщин.

Скульптурные монументы, как правило, устанавливались у восточной стороны так называемых оградок — квадратных сооружений из вертикально вкопанных плит; внутреннее пространство этих сооружений обычно заполнено камнями. Раннесредневековая поминальная оградка вместе с изваянием представляет собой не что иное, как ритуальное вместилище *сунезин* — души умершего. Оградка являлась основанием небольшого мемориального святилища, представлявшего собой огороженное каменными плитами пространство с вкопанным в центре деревянным столбом. В некоторых случаях над этой конструкцией мог сооружаться навес на нескольких деревянных столбах-колоннах, либо деревянная каркасная постройка в виде небольшого жилища. В ее центре ставилась срубленная лиственница, выходившая вершиной в отверстие крыши и символизировавшая мировое дерево, связывавшее средний, нижний и верхний миры. В жертву приносилась лошадь или овца, предназначенная для угощения умершего, шамана и родственников. Часто у западной стенки оградки археологи фиксируют жертвенную ямку с вещами (рис. 55, 56). В числе пожертвованных предметов могли оказаться несколько панцирных пластин, наконечники стрел, стремена, деревянная посуда, режущие — серебряные или даже золотые сосуды. Любопытно, что в отличие от раннесредневековых погребений в поминальных оградках довольно часто встречаются votивные предметы — уменьшенные и нефункциональные копии вещей, изготовленные специально для поминального ритуала (рис. 57, 1–4; 58).

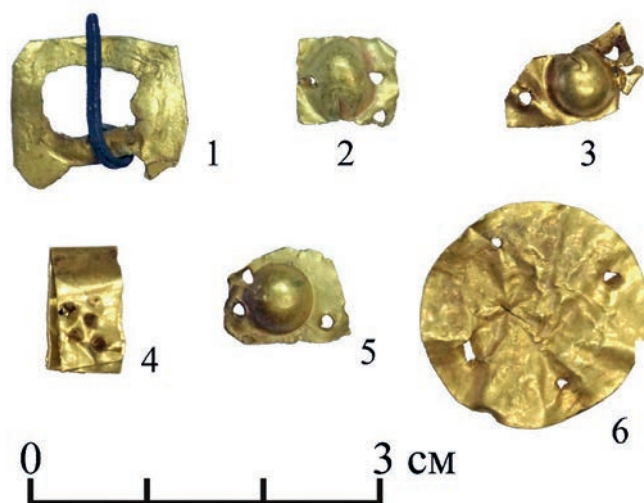

Рис. 58. Детали votивного поясного (?) набора из раннесредневековой оградки в местности Чадыр. 1 — золотая фольга, серебро; 2–6 — золотая фольга.

Фото Г. В. Кубарева

С северной или восточной стороны оградки разводился костер для кормления *сунезин*. По-видимому, на определенном этапе совершения ритуала и сооружения оградки лиственничные стволы или деревья возвышались над ней, а впоследствии намеренно подрубались и закапывались. В то же время на некоторых оградках лиственницы оставались в вертикальном положении и после сооружения насыпи. Очевидно, создание оградки не было единовременным актом — сначала устанавливались вертикальные плиты, столб-дерево в центре, обустраивался жертвенник в ямке (рис. 55, 56). При этом в течение определенного времени проводились ритуалы общения и прощания с душой умершего. На следующем, заключительном этапе происходило срубание ствола и возводилась насыпь из камней внутри оградки. Однако в некоторых случаях ствол или дерево сознательно оставляли, и он возвышался и после сооружения насыпи оградки (рис. 55).

Изваяние изображало умершего, и в нем временно, до окончания поминального цикла, была заключена его душа. Таким образом, умерший сам участвовал в собственных поминках. На восток от оградки-жилища и изваяния возводили ряд из вертикально вкопанных камней — балбалов. Как мы уже подробно рассмотрели этот вопрос, они преимущественно «дарились» родственниками и гостями, участвовавшими в поминках.

Тюркским каганам и знати, в отличие от рядовых членов общества, сооружали большие поминальные комплексы, в которых переплелись элементы собственно тюркского поминального обряда с китайскими погребальными

традициями, символикой и архитектурой (стела с текстом и драконовым навершием, основание для стелы в виде черепахи, аллея из скульптур и т. д.). Поминки тюркского кагана выходили за рамки исключительно поминальной церемонии и открывали большие возможности для установления дипломатических и экономических контактов между разделенными большими расстояниями представителями кочевых племен и оседлых народов.

В скульптуре тюркоязычных кочевников, в той или иной степени испытавшей влияние буддизма, манихейства, маздеизма и развивавшейся в традициях согдийской художественной школы, нашли отражение не только шаманские, но и дошаманские религиозные представления. Об этом свидетельствует реконструкция тюркского поминального обряда по археолого-этнографическим источникам. В его основе лежат древнейшие представления, связанные с культом предков. Отсюда — удивительное сходство погребально-поминальных обрядов алтайских тюрков с традиционными похоронными обычаями тюркоязычных народов Сибири.

Изучение картографических данных о раннесредневековых изваяниях Алтая со всей очевидностью показало, что места для сооружения этих памятников выбирались в основном в межгорных котловинах и долинах рек. Как правило, это были красивые и комфортные для пребывания места, с величественной панорамой на окружающую местность, где и протекала повседневная жизнь кочевников. Вместе с тем иногда изваяния устанавливались группами от 4 до 17 фигур в глухих труднодоступных местах (рис. 37). В частности, такие закрытые от постороннего глаза урочища известны в Кеме-Кечу и Кырландын-Кини на р. Аргут, в местности Кыпчыл на р. Аюты, в долинах рек Чаганбургазы и Барбургазы и во многих других районах географического Алтая. Рядом с ними нет ни одновременных погребальных сооружений, ни других археологических памятников. Возможно, это были небольшие родовые святилища, внешним видом напоминающие сезонные поселения средневековых кочевников. По представлениям тюрков Алтая, в таких «поселках мертвых» какое-то время обитали души умерших сородичей. По такому же принципу группировались и более поздние половецкие статуи. Исследователи считают, что это были специальные, устроенные в отдалении от могил, культовые места, в которых происходили обряды поминального цикла и совершались жертвоприношения предкам.

Все народы Центральной Азии считали древние могильники и современные кладбища заповедными обителями духов предков. Обычно один раз в году в местах погребений устраивали специальные жертвоприношения в память об умерших сородичах. В качестве главного жертвенного жи-

вотного использовали коня. Например, у древних тюрков и монголов мясо жертвенного коня съедали родственники за упокой души умершего, а голову и шкуру вывешивали на шесте рядом с могилой или местом совершения обряда поминок — у каменного изваяния покойного. Поэтому многие каменные монументы Азии до сегодняшнего дня служат объектом почитания, а отдельные реалистичные древнетюркские изваяния имеют даже собственные имена. Так, на Алтае в Кош-Агачском районе были известны каменные фигуры человека под именами Акташ и Кезер, в Монголии — Даян батыр, Увшхай, Ловх, Лам чулуу, в Туве — Чингисхан и т.д. С каждым из них связаны легенды и суеверия, а у отдельных фигур до сих пор совершаются шаманские и ламаистские обряды.

При раскопках раннесредневековых поминальных оградок археологи часто фиксируют частичное их разрушение и осквернение (смещение стенок, выброс заполнения и т.д.) еще в древности. Наиболее ярким примером такого осквернения и «уничтожения» памятника являлось скалывание головы либо верхней части скульптуры. Как правило, изваяния оказывались поваленными, а иногда были разбиты на несколько частей. Часто скелетную в древности голову находят в слое дерна в непосредственной близости от изваяния (рис. 59). По-видимому, такие действия с наиболее значимой частью человеческого тела — головой — имели символическое значение и подразумевали «смерть» скульптуры, в которой был воплощен реально живший человек. Эти факты, очевидно, следует связывать с врагами тюркоязычного населения Алтая в конце I тыс. н. э., а также, возможно, с приходом сюда чуждых местным населением групп кочевников с территории Центральной Азии во II тыс. н. э.

Исследователями уже давно было подмечено огромное несоответствие между количеством раннесредневековых поминальных оградок в Центрально-Азиатском регионе, которые исчисляются сотнями и тысячами, и исследованными погребениями с концом этого же периода. За почти двухсотлетнюю историю изучения Алтая было раскопано всего около 220 раннесредневековых погребений, относящихся к периоду второй половины I тыс. Чем же объясняется такое большое количество раннесредневековых поминальных оградок на территории Центрально- и Средне-Азиатского регионов и незначительное, в десятки раз уступающее им количество погребений? Специалисты на этот вопрос отвечают по-разному. Один из авторов этого раздела уже указывал на наиболее вероятное объяснение этого феномена, свя-

занного с социальной стратификацией тюркоязычных кочевников, разные слои которых придерживались различных форм погребальной обрядности⁷⁰³.

Рис. 59. Сколотая в древности и обнаруженная в ходе археологических раскопок голова изваяния у раннесредневековой оградки в местности Кыйу. Фото Г. В. Кубарева

Умерших простолюдинов и бедняков («черную кость») бросали в степи, людей «средней кости» — погребали в земле, верхушку общества и знать — сжигали. Это подтверждают многочисленные исторические и этнографиче-

⁷⁰³ Кубарев Г. В. Культура древних тюрков Алтая... С. 25; Кубарев Г. В. Мир в миниатюре: традиция помещения votивных вещей в древнетюркские поминальные оградки // Алтынбеков К., Бородавский А. П., Быков Н. И., Вадецкая Э. Б., Давыдов Е. А., Деревянко А. П., Досаева Д. К., Дэвлет Е. Г., Дэвлет М. А., Журавлева А. Д., Казаков В. В., Ковалёв В. С., Константинов Н. А., Кубарев Г. В., Марсадоллов Л. С., Митько О. А., Молодин В. И., Мыглан В. С., Мыльников В. П., Пахунов А. С. и др. Алтай в кругу евразийских древностей: коллект. монография / отв. ред. А. П. Деревянко, В. И. Молодин. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2016. С. 459–462.

ские свидетельства по тюркоязычным народам Центральной Азии. Вместе с тем можно предположить, что культ поминовения, умиротворения и проводов духа или души умершего у тюркоязычных кочевников было необходимо совершить в отношении всех сородичей, вне зависимости от их социального и имущественного статуса и способа его погребения.

Не только в погребальных, но и в поминальных сооружениях прослеживается достаточно четкая иерархическая структура, которая, так или иначе, соответствует социальной стратификации тюркского общества. На одном полюсе — небольшие рядовые поминальные оградки со стеловидными камнями, символизирующими изваяния, не содержащие каких-либо вещей, на другом — величественные поминальные комплексы каганов, включающие в себя китайские архитектурные элементы, скульптуры и жертвоприношения из высокохудожественных золотых и серебряных изделий, в том числе и votivных. Для высшей тюркской знати также возводились большие поминальные сооружения и их признаками были наличие вала и рва вокруг оградки, первоначально навеса над ней, поддерживаемого несколькими деревянными столбами и т. п.

Например, в Северной Монголии поминальные сооружения тюркской кочевой аристократии отличаются наибольшим количеством и разнообразием. Эта вариативность объясняется сложной иерархической стратификацией общества древних тюрков: «Все остальные военные, а также «приказные» чины получали после смерти право на устройство поминального памятника определенных размеров, формы, состава структурных элементов, но без стел»⁷⁰⁴.

Для понимания назначения оградок, на наш взгляд, имеют факты обнаружения в них уменьшенных и нефункциональных, votivных копий предметов, вероятно, специально изготовленных для поминального обряда. Это можно считать одной из главных особенностей поминального обряда тюркоязычных кочевников.

Как свидетельствуют этнографические данные по тюркоязычным народам Южной Сибири, votivные вещи имели сакральный смысл и использовались, прежде всего, в шаманской практике. На наш взгляд, в отношении интерпретации votivных предметов из древнетюркских оградок и их назначения самого пристального внимания заслуживает редкий обрядовый предмет теленгитов Алтая — *оттын залазы* — 16-метровая крученая шерстяная веревка с привязанными миниатюрными деревянными и кожаны-

⁷⁰⁴ Войтов В. Е. Древнетюркский пантеон и модель мироздания... С. 67.

ми изображениями орудий труда, утвари и различных сосудов⁷⁰⁵. Известно лишь, что этот предмет являлся необходимой принадлежностью обряда камлания духу огня. Вероятно, такое же предназначение имели votивные вещи из теленгитского ритуальногоклада, найденного в верховьях р. Камтыттугем на Алтае (рис. 60)⁷⁰⁶. Огонь играл исключительно важную роль в жизни кочевников, в самых различных обрядах и, в том числе, в погребально-поминальной обрядности. Как известно, с помощью огня «кормили» *сүнези/сюнезин* — душу умершего. Огонь близок по своей природе к солнцу.

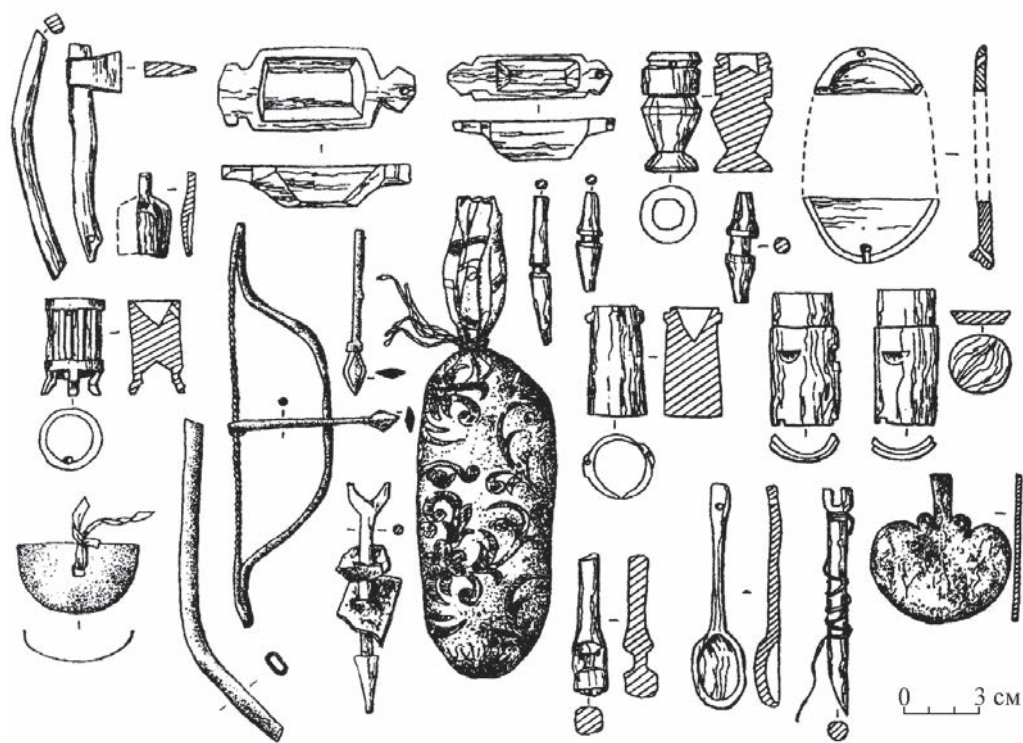

Рис. 60. Вотивные вещи из ритуальногоклада на р. Камтыттугем. Теленгиты. Российский Алтай (по: Кубареву, Октябрьской, 1996, рис. 5)

В этом контексте гипотеза о культе надочажной цепи (синонимичной веревке *оттын залазы* у теленгитов), к которой подвешивались миниатюрные имитации котлов у населения Предкавказья в сарматское время, представ-

⁷⁰⁵ Иванов С. В. Скульптура алтайцев, хакасов и сибирских татар (XVIII — первая четверть XX в.). Л.: Наука, 1979. С. 107–108.

⁷⁰⁶ Кубарев В. Д., Октябрьская И. В. Ритуальный клад из Кош-Агачского района Алтая // Гуманитарные науки в Сибири. 1996. № 3. С. 84–92.

ляется вполне убедительной⁷⁰⁷. По нашему мнению, эта гипотеза не противоречит объяснению культового назначения миниатюрных сосудов в скифское и хунно-сарматское время в качестве знаков власти, родovitости и возможному их подвешиванию к поясу. «В ритуально-мифологической традиции названный семантический ряд (пояс, кольцо, круг. — Г. К.) воплощался и в других, изофункциональных поясу объектах. Среди них особо выделяется образ нити, подобно которой вьется душа, жизнь, судьба человека»⁷⁰⁸.

В тувинском обряде посвящения огню животного-ызыха, который проводился, если в семье тяжело болели дети, также использовалась веревка *салбак*. Она протягивалась по всей окружности юрты и к ней привязывались разноцветные ленточки, миниатюрные изображения кожаных фляг, ступок с пестами и деревянных подошников⁷⁰⁹. Нанизанные на веревку предметы, будучи символами благополучия, превращали ее в средство достижения и поддержания достатка и счастья. В этом случае веревка как бы опосредовала связь социума с миром верховных покровителей и божеств, миром людей и обителью духов.

Мы не знаем, использовали ли раннесредневековые тюркоязычные кочевники веревку для того, чтобы подвешивать к ней миниатюрные изображения предметов в обращении к духу огня в поминальной церемонии, подобно тому, как их потомки — теленгиты и тувинцы — обращались к духу огня и своим божествам. Но находки миниатюрных воспроизведений предметов и, прежде всего, сосудов, их генетическая связь с современным тюркоязычным населением Саяно-Алтая делает это предположение весьма вероятным. Также сложно судить, были ли эти миниатюрные копии посуды, оружия и предметов конского снаряжения изготовлены непосредственно перед поминальной церемонией или служили какое-то время в других культовых церемониях. Можно только предполагать, что votивные, миниатюрные копии предметов должны были быть пожертвованы каждому (так же, как в идеале любому человеку должно быть установлено изваяние), но по тем или иным причинам этого не происходило, либо это невозможно было зафиксировать. Деревянная посуда и другие предметы из органики из жертвенников оградок могут в большинстве случаев не сохранять-

⁷⁰⁷ Прокопенко Ю. А. Элементы культа очага в погребальной обрядности населения Предкавказья в сарматское время // РА. 2001. № 4. С. 162–167.

⁷⁰⁸ Львова Э. Л., Октябрьская И. В., Сагалаев А. М., Усманова М. С. Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Пространство и время. Вещный мир. Новосибирск: Наука, 1988. С. 184.

⁷⁰⁹ Там же. С. 185–186.

ся. Заказать миниатюрные изделия из металла, тем более из золота и серебра, было доступно не всем. Вероятно, часто миниатюрные вещи могли заменяться набором настоящих предметов.

В поминальных оградках тюркоязычных кочевников прослеживается та же композиционная структура *огонь — дерево*, которая проявляется в ритуально-мифологической практике современных тюркоязычных народов Южной Сибири. В центре оградки вкапывался ствол или дерево, зольные пятна и прокалы фиксируются как в оградке, так и за ее пределами. Дерево, столб, коновязь в представлениях южно-сибирских тюрков является космической осью, дерево, дающее жизнь, мировое или родовое дерево. Оно связывает три сферы Вселенной: духов верхнего мира и мира подземного со средним миром людей. «Использование коновязных столбов во время *ысыаха* и других обрядовых действий позволяет предположить, что установление коновязи — древняя форма „окультуривания“ природного пространства: устанавливается *уменьшенная копия мирового дерева* (курсив мой — Г. К.)». ⁷¹⁰

Древнетюркскую поминальную оградку, имеющую квадратную четырехугольную форму, стенки или углы которой ориентированы по странам света, а в центре установлена уменьшенная копия Мирового Древа, можно рассматривать не только как культовую модель жилища, но и как модель мира. Например, в надписи в честь Кюль-Тегина упоминаются народы, находящиеся в четырех углах (четыре стороны) света, а в фольклорных текстах Алтай называют четырех- и шестигранным. При этом восток всегда ассоциируется с направлением «вперед», «лицом». «Таким образом в ритуале происходит создание и освоение пространства, подкрепляемое вещественно... Натянута между четырьмя березами веревка зримо воспроизводит схему пространства замкнутого, имеющего границу — залог стабильности, устойчивости» ⁷¹¹. Символика семантического центра, замкнутого четырехугольного пространства определила формы многих ритуальных сооружений: четырех берез, соединенных веревкой; казахских родовых кладбищ, в которых четыре сырцовых башни связываются снизу прямоугольной оградой; квадратов из досок неподалеку от могилы, где сидят мужчины хакасы после погребения; ритуальных квадратных столиков или каменных кладок у алтайцев ⁷¹². Надо думать, что организация таких ритуальных сооружений имеет одинаковую семантику и восходит к тюркским поминальным сооруже-

⁷¹⁰ Львова Э. Л., Октябрьская И. В., Сагалаев А. М., Усманова М. С. Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири... С. 32–33.

⁷¹¹ Там же. С. 25.

⁷¹² Там же. С. 26.

ям. Нельзя исключать, что они выполняли не только функцию поминовения и «общения» с умершим, туда, как и в недавнем прошлом, могли приходить с просьбами об излечении от болезней, бесплодия, там приносились жертвы.

Огонь — дерево воплощали в себе сложный мировоззренческий комплекс, в котором объединялись представления об огне и его хозяйке, о космической вертикали и богине-матери⁷¹³. Этот комплекс символизировал собой временное жилище, место обитания и общения с душой умершего, своеобразное последнее пристанище души (духа) умершего, культовую модель жилища и модель мира⁷¹⁴. Именно в таком контексте и нужно рассматривать поминальные сооружения — оградки и находки миниатюрных, нефункциональных предметов в жертвенниках раннесредневековых оградок.

Поминальные памятники и изваяния Тянь-Шаня. В изучении культуры раннесредневековых тюркоязычных племен и народов Тянь-Шаня, Алая, Семиречья особое место занимают поминальные комплексы. Как и в восточных регионах Центральной Азии, они состоят из оградок и каменных изваяний. В могильниках оградки с изваяниями встречаются в обособленной стороне от групп курганов.

Однако были обнаружены поминальные памятники, которые сооружались на территориях, где отсутствовали курганы. Несколько поминальных комплексов, состоящих исключительно из оградок с каменными изваяниями, были обнаружены и исследованы в ареале высокогорного озера Сон-Куль, на высоте более 3000 м над уровнем моря. Это летние пастбища, территории, позволяющие проводить поминальные обряды в честь умерших и предков исключительно в летнее время. Важную роль в выборе места для сооружения поминальных памятников играл ландшафт. Обычно выбирались просторные или расширенные участки внутри ущелья, плато, ровные широкие террасы.

Поминальные оградки имеют квадратную или прямоугольную форму. Их размеры варьируют от 0,70×0,80 до 8×8 м. Наиболее распространены одиночные оградки, которые составляют 94% от общего количества такого рода памятников. В отдельных местах встречаются пристроенные друг к другу ограды. Например, в памятнике Семиз-Бел зафиксирована группа из девяти пристроенных оград, а в памятнике Кош-Дюбе их насчитывается около пятнадцати. Возможно, пристроенные сооружения являются признаком родства поминаемых, показателем связи поколений (рис. 61).

⁷¹³ Львова Э. Л., Октябрьская И. В., Сагалаев А. М., Усманова М. С. Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири... С. 58–60.

⁷¹⁴ Кубарев В. Д. Древнетюркские изваяния Алтая... С. 70, 79.

Рис. 61. Ряд поминальных оградок. Кош-Дёбё. VII в.

Рис. 62. Изваяния на р. Тон (юг оз. Иссык-Куль). Фото С. М. Дудина. 1894 г.

Относительно большие по размеру оградки сооружались для представителей высшей знати сообществ раннесредневековых тюркоязычных народов и племен.

Ярким примером таких сооружений может служить поминальный комплекс с изваяниями, обнаруженный нами в западной высокой террасе р. Тон (юг оз. Иссык-Куль). Замечательный памятник был сфотографирован в 1893 г. С. М. Дудиным, фотографом, художником, помощником востоковеда В. В. Бартольда⁷¹⁵. Благодаря этой фотографии удалось установить место сооружения поминального комплекса (рис. 62). На фотографии внутри каменной оградки находятся три изваяния. На переднем плане запечатлен фрагмент скульптуры сидящего человека. С двух сторон сзади расположены две фигуры. В разные годы на этой территории археологами были найдены сфотографированные С. М. Дудиным изваяния. Изображение сидящей фигуры и женская фигура со своеобразным головным убором печенежского типа были опубликованы археологом В. П. Мокрыниным⁷¹⁶. Изображение головы сидящей фигуры обнародовано в 2015 г.⁷¹⁷ (рис. 63). Обе женские фигуры были опубликованы археологом Я. А. Шером⁷¹⁸.

Рис. 63. Головная часть каганского облика каменного изваяния.
Туура-Суу. Иссык-Куль (1)

⁷¹⁵ Бартольд В. В. Гардизинин «Зайн ал-ахбар» чыгармасынан үзүндү // Бартольд В. В. Кыргыз жана Кыргызстан тарыхы боюнча тандалма эмгектер / Түз. кошумча түшүндүрмөлөр ж-а алгы сөз жазган Ө. Караев; Кырг. котор. котормочулар жамааты; Кыргызча чыгарылышынын илимий редактору — филология илимдеринин кандидаты С. Кайыпов. Б.: «Айбек» фирмасы, 1997. 456 б. Электрондук бет: 292–334.

⁷¹⁶ Мокрынин В. П. О женских каменных изваяниях Тянь-Шаня и их этнической принадлежности // Археологические памятники Прииссыккуля. Фрунзе, 1975. С. 113–119.

⁷¹⁷ Худяков Ю. С., Табалдиев К. Ш., Борисенко А. Ю., Орозбекова Ж. Древнетюркские каменные изваяния из с. Туура-Суу в Кыргызстане // Археология, этнография и антропология Евразии. 2015. Т. 43. № 2. С. 109–115.

⁷¹⁸ Шер Я. А. Каменные изваяния Семиречья... 140 с.

Надеемся, что в будущем удастся частично воссоздать поминальный комплекс, сооруженный в честь одного (или двух) предводителей Он ок эл (Западно-Тюркского каганата). На южной стороне этой местности ранее было найдено уникальное каменное изваяние в облике принца⁷¹⁹ (рис. 64). В этой местности находились ставки и поселения предводителей Он ок будун, которые в X–XII вв. разрослись в достаточно большое селение, окруженное крепостными стенами с выносными башнями.

Рис. 64. Скульптура принца Он ок эл. Туура-Суу. Иссык-Куль

Внутри обычных рядовых поминальных оградок всех типов имеются пологие насыпи из камней и земли. Под ними в подавляющем большинстве случаев находится материк (нетронутая почва), ямки, реже встречаются горизонтально уложенные плиты. Предметы, обнаруженные в процессе раскопок насыпи, свидетельствуют о ритуальных жертвоприношениях, имевших здесь место. Следы ритуальных действий характеризуются многообра-

⁷¹⁹ Худяков Ю. С., Табалдиев К. Ш., Борисенко А. Ю., Орозбекова Ж. Древнетюркские каменные изваяния из с. Туура-Суу... С. 109–115.

зием даже в пределах одной группы оградок. Это кости домашних животных (лошади и овцы), керамические сосуды или их фрагменты, следы костров, остатки древесного угля, металлические изделия, кальцинированные кости, истлевшее дерево. Остатки кострищ в каждой поминальной оградке (зола, древесный уголь, прокаленные участки почвы) позволяют полагать об особой роли огня при проведении поминальных церемоний у тюрков.

В поминальной оградке иногда хоронили лошадей. В настоящее время обнаружены пять захоронений такого рода. В двух из них лошадь находилась в полном снаряжении, была взнуздана, оседлана, рядом найдены стремена (рис. 65). Так как скелеты лошадей были обнаружены в оградке, следует считать их жертвенными животными в обряде поминовения умерших. Скелеты лошадей располагались на животе с подогнутыми ногами, грудью были обращены на запад. В памятнике Кош-Дёбё над захоронением лошади со снаряжением находился берестяной колчан и наборный пояс (рис. 66).

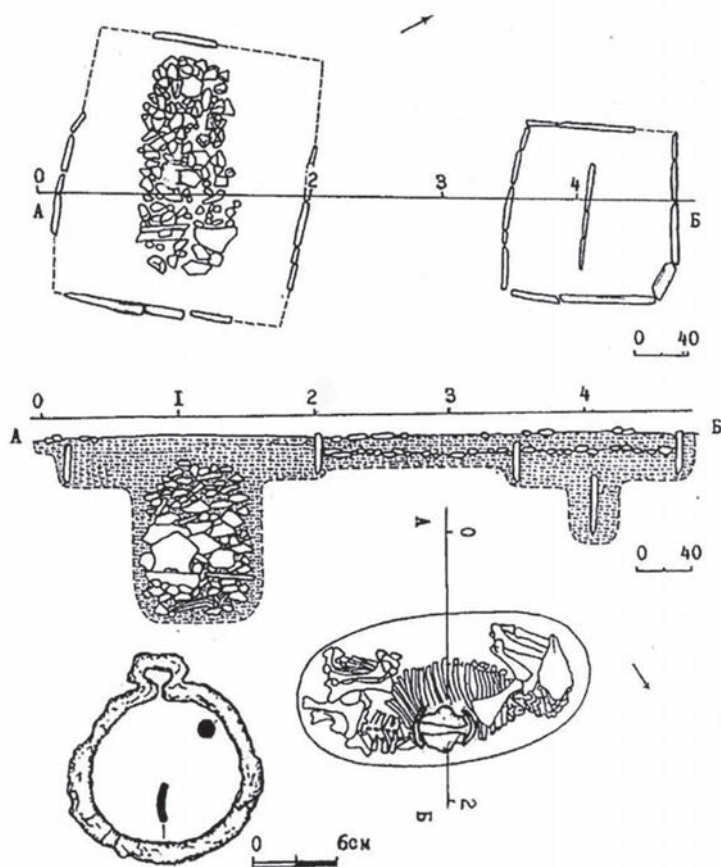

Рис. 65. Погребение лошади в поминальной оградке. Беш-Таш-Короо. VIII в.

Рис. 66. Погребение коня в поминальной оградке. Кош-Дёбё. Иссык-Куль. VII в.

На Тянь-Шане каменные изваяния в основном устанавливались в западном секторе оградки⁷²⁰. Этот признак является характерным, отличающим тюркские поминальные оградки Тянь-Шаня от подобных памятников Горного Алтая, Тувы, Монголии, Казахстана. Гораздо реже встречались оградки, у которых изваяния находились с восточной стороны и были обращены лицом на восток, что является традиционным расположением для места установки изваяний у восточных тюрков в Саяно-Алтае и в Монголии. При этом формы поминальных оградок совершенно одинаковы.

Еще одним из характерных отличий культуры родственных тюркских племен, разделенных на два каганата, является отсутствие рядов балбалов, отходящих от каменного изваяния, как отмечено на Алтае, в Монголии. На южной части оз. Иссык-Куль, в межгорной долине Тонского района удалось обнаружить пока единственную поминальную оградку, на западной стороне которой расположены два вертикально установленных камня (балбалы?).

В данное время в Кыргызстане насчитывается около 700 зафиксированных и опубликованных тюркских каменных изваяний. Картирование каменных изваяний по месту их обнаружения показало, что в основном они

⁷²⁰ Табалдиев К. Ш. Курганы средневековых кочевых племен Тянь-Шаня... С. 79–82.

распространены на территории Внутреннего Тянь-Шаня, Прииссыккуля, в Чуйской и Таласской долинах, в восточной предгорной части Ферганского хребта и на Алае. Изредка встречаются в Западном Тянь-Шане⁷²¹.

Отмечены зоны наибольшей концентрации высокомоделированных изваяний, отличающиеся значительными размерами и высоким мастерством исполнения. Например, памятники восточной (Тюп, Талды-Суу) и южной части (Тон, Туура-Суу) Иссык-Кульской котловины. В них детально передавались все части тела, элементы одежды, предметы вооружения и украшения (рис. 67).

Рис. 67. Каменное изваяние тюркского полководца. Высота 2,75 м. Иссык-Куль

⁷²¹ Винник Д. Ф. История изучения каменных изваяний Кыргызстана // Из истории и археологии древнего Тянь-Шаня. Бишкек, 1995. С. 170–172.

При изучении каменных изваяний выявляются индивидуальные особенности каждого из этих памятников: на них рельефно или контуром высечены человеческие лица, часто изображены руки, держащие ритуальную чашу, оружие и др. Каждая из скульптур отличается по своему внешнему облику. По иконографическим особенностям древнетюркские изваяния условно подразделены на мужские с сосудом в правой руке и с оружием, с изображением только лица или головы человека, изваяния с птицами, а также мужские и женские изваяния с сосудом в руках⁷²².

Особую группу каменных памятников семиреченско-тянь-шаньского ареала (Кыргызстан, Казахстан, Восточный Туркестан (Китай) составляют каменные изваяния с трехрогим головным убором (рис. 68). Такие скульптуры на территории Тувы и Монголии неизвестны.

Рис. 68. Каменное изваяние с трехрогим головным убором. Арчалы. Чуйская долина

⁷²² Шер Я. А. Каменные изваяния Семиречья... 140 с.

На облике тюркских статуй Тянь-Шаня и Семиречья отразилось определенное влияние согдийского искусства. В их число входят изваяния с манерным исполнением пальцев рук. Отдельные детали скульптур привлекают особое внимание. Например, изваяние с головным убором типа тебетей (рис. 69). Трудно не согласиться с его идентичностью головным уборам кыргызов (тебетей) и казахов (бёрк). Судя по этому свидетельству, этот головной убор сквозь века дошел до этнографической современности. Это яркий источник для изучения путей формирования традиционной одежды кыргызов и казахов.

Рис. 69. Каменное изваяние с головным убором тебетей. Колтор. Иссык-Куль

Рис. 70. Средневековое каменное изваяние. Чуйская долина

Известны изваяния, которые возникли в результате культурного обмена мастеров тюрков и ваятелей буддийских скульптур. Каменное изваяние, найденное в западной части Чуйской долины, имеет черты, характерные для буддийских скульптур. Так, например, изображение удлиненных мочек ушей, манера передачи лица напоминают облик лиц персонажей буддизма Северного Китая. При этом отмечается и отход от традиционных элементов.

К примеру, воспроизведение левой руки человека, держащего ножен (ножны) кинжала, тогда как в тюркских изваяниях традиционно они изображались держащими ручку кинжала (рис. 70).

Известна скульптура черепахи с пазом для установления стелы с надписью. Она обнаружена в предгорной зоне Кыргызского хребта, в той же долине, где располагалась ставка Западно-Тюркского каганата. Черепаха из Иссык-Аты высечена из местного серого гранита, хвост и голова отбиты. На спине сделан ступенчатый паз — гнездо для установления стелы (рис. 71). Длина черепахи — 55 см, ширина — 44, высота — 22, диаметр шеи — 22 см⁷²³.

Рис. 71. Скульптура черепахи с гнездом для установления стелы с поминальными надписями. Сынташ. Чуйская долина

На территории городища Ак-Бешим, отождествляемой со столицей Западно-Тюркского каганата Суябе, было обнаружено навершие стелы с близкими по исполнению навершиям стел с руническими и согдийскими надписями, найденными в Монголии. Навершие с двусторонним изображением фантастических животных — драконов или волков было найдено отдельно,

⁷²³ Тереножкин А. И. Археологические разведки по р. Чу в 1929 г. // ПИДО. 1935. № 5–6. С. 138–150.

т. е. без привязки к стеле. Мы учитываем наличие таких памятников в культуре китайцев Северного Китая. Под их влиянием были созданы орхонские поминальные комплексы в честь тюркских знатных лиц. Возможно, аналогия прослеживается в поминальных комплексах, созданных в честь западных тюрков. Свидетельством тому является наверхие стелы из Ак-Бешима. Не исключено, что здесь также мог быть возведен мемориальный комплекс в честь умерших из числа властителей западных тюрков. Предполагаем, что аналогичные памятники могли быть возведены китайцами в период их нашествия в Семиречье в VIII в. н. э. Или же до этого, когда правили представители рода Ашина, могла быть возведена стела с драконовым или волчьим наверхием.